РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помяните одно: только кòренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только кòренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окруж. Грам. Москвы. (Акты Арх. Экс. Т. II. стр. 298).

1856.

III.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

Digitized by Google

PSlav 600.5 (1856, no. 3)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 26 дня 1856 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

Digitized by Google

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

КЪ М. П. ПОГОДИНУ (*).

Письмо первое.

1856. 11 Іюля.

Ты вызываешь меня, любезный академикъ, на ученый споръ съ гг. Срезневскимъ и Лавровскимъ! Въ своемъ печатномъ письмѣ къ Срезневскому (которое прочелъ я въ Москвитянинѣ 1856. N. 2), ты говоришь: « А вотъ что не вѣрно, и что сильнѣе моего опровергнется, безъ сомнѣнія, Максимовичемъ, котораго задеретъ оно заживое—будто до Татарскаго времени не существовало ни Малороссіянъ, ни Малороссійскаго нарѣчія ». Я вполнѣ согласенъ, что это *не вѣрно*; но не знаю, долженъ ли я и съумѣю ли я опровергнуть это сильнѣе твоего, и « задеретъ ли заживое » меня это мнѣніе, когда прочту его въ статьяхъ гг. Срезневскаго и Лавровскаго; ибо я и до сихъ поръ еще не испыталъ этого, какъ ты называешь, « назидательнаго удовольствія »; но при-

---

(*) Поднятый М. П. Погодинымъ вопросъ о древнемъ Русскомъ языкѣ своею историческою и филологическою важностію побудилъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ изложить объ этомъ предметѣ свои мысли, существенно отличныя отъ выводовъ г. Погодина, во многомъ даже совершенно имъ противоположныя. Цѣня ученыя достоинства филологическихъ писемъ г. Максимовича, мы, однако, надѣемся въ слѣдующихъ книгахъ Русской Бесѣды представить нашимъ читателямъ еще статьи по этому важному предмету.

Издатели.

Digitized by Google

знаюсь, когда я читалъ твое письмо, по мнѣ не разъ пробѣгали мурашки. Возможно ли, и ты, другъ Исторіи, вышедшій, послѣ «Норманскаго періода», уже на чистое поле и шедшій по немъ прямымъ путемъ ясной исторической положительности и достовѣрности, вдругъ очутился въ лѣсу гипотезъ, увлеченный филологическими призраками!..

Вѣрный своему понятію о древности Малороссійскаго народа, о которомъ и теперь говоришь, что онъ «носитъ всѣ признаки самобытнаго племени», ты, въ своемъ *Отвѣтѣ* мнѣ (въ Москвитянинѣ 1845 г., кн. 3), говорилъ вотъ что: «*Норманнъ* (Рюрикъ) въ пятомъ, шестомъ колѣнѣ сдѣлался *Малороссіяниномъ*. Такъ точно *Малороссіянинъ* Андрей Боголюбскій переселился на Сѣверовостокъ, сохраняя, разумѣется, свое Малороссійское происхожденіе, равно какъ и братья его, Михалко и Всеволодъ, препоручившіе посадничества «Русскимъ Дѣтьскимъ»; но ихъ дѣти, еще болѣе внуки, начавшіе княжить послѣ Монголовъ, подверглись туземному вліянію, и между Великороссіянами сдѣлались сами *Великороссіянами*.» Послѣ того ты писалъ (въ 3-мъ томѣ «Изслѣдованій,» 1846 г. стр. 357), что нашъ «простонародный, туземный языкъ тогда уже раздѣлялся точно на тѣже нарѣчія, на кои раздѣляется теперь, т. е. въ *Кіевѣ*, Черниговѣ, Галичѣ говорилъ также *по Малороссійски*, какъ и теперь; въ Могилевѣ, Витебскѣ по Бѣлорусски; во Владимирѣ, Московскихъ странахъ по Великорусски и проч. Слова, обороты, произношеніе сихъ нарѣчій закрадывались мало по малу у отечественныхъ грамотѣевъ въ ихъ сочиненія: такъ *у Нестора* находите вы отраженіе *Малороссійское*, въ Новогородскихъ грамотахъ Великорусское и проч.» А объ Церковномъ Славянскомъ языкѣ, который у насъ на Руси былъ *письменнымъ* языкомъ, у тебя сказано было вотъ что: «*Мы, Русскіе*, можемъ сказать то, что это было нарѣчіе для насъ *чужое*, хотя и близкое, понятное... всего *нельпѣе* мысль или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто Русскій языкъ происходитъ отъ Славянскаго». И все это было очень близко къ правдѣ. Я, съ своей стороны, говорилъ почти тоже, трудясь надъ исторіей Русскаго языка въ сравненіи его съ языками Западнославянскими; и въ «На-

Digitized by Google

чаткахъ Руской филологіи», 1848 года, гдѣ изложены окончательно мои выводы, я сказалъ, подобно тебѣ: « Не будемъ же въ наше время смѣшивать понятія о *письменномъ* употребленіи Церковнаго языка на Руси съ понятіемъ о *народной* Русской рѣчи. Надо вовсе устранить филологическое мнѣніе о *тожествѣ* Русскаго языка съ Церковнымъ, о *происхожденіи* изъ него народныхъ Русскихъ нарѣчій, и объ его *первообразности для* всѣхъ языковъ Западно-Славянскихъ: ложное въ началѣ и основаніи своемъ, это мнѣніе остается сбивчивымъ при всѣхъ своихъ изворотахъ и ограниченіяхъ».

Но случилось не по нашему, а какъ говоритъ Украинская пословица: « ёго вернешь въ плугъ, а воно въ лугъ!» Это говорилось встарину объ Украинскихъ молодикахъ, которые, съ наступленіемъ весны, покидая отцевъ своихъ на хозяйствѣ, уходили козаковать и бурлаковать по Запорожье, въ великій *лугъ* Днѣпровскій (поминаемый въ лѣтописаньи, и вошедшій въ поговорку: « Великій лугъ батько ».).

Изъ твоего письма въ Срезневскому я съ удивленіемъ увидѣлъ совершенную перемѣну въ твоей прежней историко-филологической системѣ...

«Что жъ измѣнить ее могло,
Что это утро облекло,
И такъ внезапно, — въ сумракъ ночи?»

Чтеніе—*Кіевской Лѣтописи!* « Чѣмъ дольше я занимался ею,—говоришь ты,—тѣмъ болѣе удивлялся отсутствію Малороссійскаго элемента. Обратившись назадъ, къ Нестору, съ этою мыслію, я убѣдился, что нѣтъ его и тамъ».., Отсюда пошли у тебя разныя наведенія и разсужденія, первою *добычею* которыхъ была мысль, что «*въ Кіевѣ* до нашествія Татарскаго жили искони *не Малороссіяне, а Великороссіяне!*» Вслѣдъ за нею родилась у тебя другая мысль, что «Церковный Славянскій языкъ былъ не пришлый намъ письменный языкъ, но живой, своенародный языкъ, которымъ говорили Великороссіяне, и что *Великороссійское нарѣчіе* было къ нему *самое близкое*, почти *тожественное*; что *Великороссійское племя* могло жить въ окрестностяхъ Селуня, близъ

Digitized by Google

береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ, и въ нынѣшней Великороссіи, и что во всѣхъ этихъ мѣстахъ оно могло жить и говорить одинаково».—«*Малороссіяне*, живущіе теперь въ сторонѣ Днѣпровской и окружной, пришли сюда послѣ Татаръ отъ Карпатскихъ горъ, гдѣ они жили, какъ въ своей колыбели, и заняли опустошенныя Татарами мѣста *Кіевскихъ Великороссіянъ*, которые отодвинулись на Сѣверъ. Малороссіянами могли быть заселены искони: Галиція, Подолія, Волынь; изъ Волыни Малороссіяне, можетъ быть, перешли къ Торкамъ, Берендѣямъ, остаткамъ Печенѣговъ, Чернымъ Клобукамъ, и составили тамъ *новое племя Козацкое*... Конечно, — говоришь ты, — здѣсь есть много еще темнаго, сомнительнаго, неопредѣленнаго; предоставимъ объясненіе времени; а теперь удовольствуемся *положеніями*, для меня достовѣрными: 1) Великороссіяне древнѣйшіе поселенцы, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ и окрестностяхъ; 2) Малороссіяне пришли въ эту сторону послѣ Татаръ; 3) Великороссійское нарѣчіе есть или само Церковное нарѣчіе, или ближайшее къ нему, то есть, родное, органическое чадо.»

Ты предлагаешь филологамъ стать на твою точку зрѣнья, и—«разсудить безпристрастно это дѣло, по законамъ ихъ науки». И я охотно поспѣшаю, совмѣстно съ тобою, разсмотрѣть это дѣло, и начинаю рядъ писемъ къ тебѣ объ этомъ предметѣ.

Ты говоришь, что вышеприведенныя три положенія для тебя уже достовѣрны, и что ты въ своихъ новыхъ заключеніяхъ убѣждаешься все болѣе и болѣе. Но потому-то я и считаю себя обязаннымъ передъ тобою сказать нѣчто въ защиту тѣхъ прежнихъ историко-филологическихъ вѣрованій, отъ которыхъ ты теперь отложился, а я остаюсь при нихъ непоколибимо, и все болѣе и болѣе въ нихъ убѣждаюсь. Можетъ быть, мнѣ при этомъ удастся и поколебать въ тебѣ твое новое убѣжденіе, и возвратить тебя къ прежнему! Вѣдь ты самъ говорилъ: «Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ, къ стыду своему, *мы основательно не знаемъ*, хотя имѣемъ профессоровъ для всѣхъ Славянскихъ нарѣчій». Это сознаніе и стыдѣніе твое въ недостаткѣ *основательнаго*

Digitized by Google

знанія Малороссійскаго нарѣчія можетъ, мнѣ кажется, породить въ тебѣ такую мысль: «Какъ же я, не зная основательно Малороссійскаго нарѣчія, положилъ его въ основаніе своей новой системы?» Вѣдь ты началъ строить ее съ отрицанія Малороссійскаго нарѣчья въ Несторѣ и Кіевской Лѣтописи! Ты его *незнаешь* основательно, а говоришь уже рѣшительно, нѣтъ его въ Кіевскихъ писаньяхъ, слѣдственно, не было въ Кіевѣ и Малороссіянъ... Точно ли нѣтъ его въ Несторѣ и Кіевской Лѣтописи? Да если бы и дѣйствительно не было, не ужели Кіевскій лѣтописецъ непремѣнно долженъ былъ выражать свое Малороссійское происхожденіе языкомъ своей Лѣтописи? Развѣ Малороссіянинъ Святитель Димитрій, сынъ Макаровскаго Сотника (который въ книгѣ «Реестровъ Войска Запорожскаго 1649 года значился рядовымъ козакомъ, *Саввою Тупталенкомъ*), не писалъ языкомъ, свободнымъ отъ всѣхъ современныхъ ему Полонизмовъ и Малороссіянизмовъ? Петръ Могила, которому языкъ Польскій былъ какъ природный, писалъ, какъ ему хотѣлось, то на Польскомъ, то на тогдашнемъ Польско-Русскомъ, то на чистомъ Церковно-Славянскомъ, — и это я говорю тебѣ, какъ очевидецъ его собственноручныхъ писаній, между прочимъ и той записки книги его, о которой по слуху упоминалъ Евгеній въ «Описаніи Кіевософійскаго собора», но которая нашлась уже послѣ его смерти (Я воспользовался изъ нея нѣкоторыми свѣдѣніями для примѣчаній къ Фундуклеевой книгѣ о древностяхъ Кіева).

Ты говоришь о Малороссійскомъ нарѣчіи: «Покажите намъ степени его родства съ прочими, такъ называемыми, Восточными и Западными Славянскими нарѣчіями». Я на это скажу: Смотри въ «Начаткахъ Руской Филологіи,» гдѣ объ томъ сказано коротко, да ясно! — Ты говоришь: «Покажите, или лучше отыщите, присутствіе въ немъ восточнаго элемента, т. е. слѣды вліянія Торковъ, Печенѣговъ, Черныхъ Клобуковъ!» — Я на это скажу: Взгляни на IX главу моей «Исторіи древней Руской Словесности», 1839, г., гдѣ положено уже начало рѣшенію твоей задачи. Тамъ не упущено изъ виду *Азіатское вліяніе* на Южнорусскій языкъ въ до-Татарское время, и, при помощи Персидско-Половецкаго

Digitized by Google

словаря, изданнаго Клапротомъ 1828 года показано нѣсколько словъ, оставшихся въ Малороссійскомъ нарѣчіи изъ языка Половцевъ, одноплеменныхъ съ Торками, Печенѣгами и Черными Клобуками (на примѣръ: *туманъ*, *казанъ*, *майданъ*, *базаръ*, *килимъ*, коверъ, *каунъ*, арбузъ, *инжиръ*, винная ягода, и проч.), и наоборотъ, Русскія слова, употребительныя въ языкѣ Половецкомъ (*нагъ*, деньга, отъ ногата, *смола*, смола, *печь*, *изба*). Въ прошломъ году, въ посланныхъ мною тебѣ объясненіяхъ на Игореву пѣснь, объяснено загадочное слово *ортма*: это Половецкое слово *артмакъ* по Малороссійски *саквы* (bissaccium). Тамъ же я указалъ на два села подъ Переяславомъ, называемыя *Каратуллми*; это имя значитъ Черные Клобуки, и даетъ намъ знать, что были не только *Переяславскіе Торки*, на правой сторонѣ Трубежа, но и *Переяславскіе Черные Клобуки* (Кара-тули), на лѣвой сторонѣ Трубежа.

Ты говоришь: «Г. Срезневскій *справедливо* утверждалъ *тожество* языка народнаго и письменнаго въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, и вмѣстѣ *отсутствіе* всякихъ признаковъ Малороссійскихъ,»—и удивляешься, какъ эти положенія, утвердившія тебя *вполнѣ* въ новыхъ твоихъ мысляхъ, не произвели *волненія* въ нашемъ литературномъ и ученомъ мірѣ, въ минуту своего происхожденія! А я скажу что оба эти положенія—и *тожество* письменнаго языка съ народнымъ, и *отсутствіе* всякихъ признаковъ, Малороссійскихъ *несправедливы*, и докажу это тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ. Что же касается до спокойнаго безмолвія въ литературномъ и ученомъ мірѣ объ этихъ двухъ положеніяхъ, то оно естественнѣе было, чѣмъ предполагаемое тобою *волненье*. Чего тутъ волноваться, особенно въ такое время всемірнаго треволненія, какое мы пережили! А притомъ, Русская пословица благоразумно говоритъ: «За мухой не съ обухомъ, за комаромъ не съ топоромъ!»

Михайлова Гора.

Письмо второе.

13 Іюля.

Приступая къ разсмотрѣнію новопринятыхъ тобою положеній, я прежде всего припомню, что нашъ Русскій Первославянинъ и учитель, всеобъемлющій Ломоносовъ,

Digitized by Google

давшій намъ, за сто лѣтъ, Грамматику, впервыя обработанную по нарѣчію Великороссійскому, ясно различалъ *Славянскій* или *Церковный* языкъ отъ нашего *Россійскаго, природнаго* языка, въ которомъ онъ признавалъ три главныхъ нарѣчья (или *діалекта*): *Сѣверное, Московское* и *Украинское*. И такъ у него, для будущей Славяно-Русской Филологіи, назначенованы уже были два положенія: во 1-хъ: объ особенности языка Церковно-Славянскаго, хотя и соплеменнаго намъ, но отличнаго отъ *природнаго* языка *Россійскаго*; во 2-хъ: о ближайшемъ сродствѣ *Украинскаго*, то есть Малороссійскаго и Великороссійскихъ нарѣчій, которыхъ совокупность составляетъ одно неразрывное органическое цѣлое, одну обширную *Русскую рѣчь*. Оба Ломоносовскія положенія, въ продолженіе ста лѣтъ обратились въ истину непреложную, оправданную всѣми *филологическими* примѣтами, правилами и соображеніями. *Церковно-Славянскій* языкъ, въ его собственной, древней, Кирилловской формѣ, какая намъ показана Востоковымъ, по Остромирову Евангелію (1056—57), есть языкъ столько жъ отличный и далекій отъ природнаго *Великорусскаго* нарѣчія, сколько и отъ *Малороссійскаго;* ближе всего онъ къ языкамъ: Болгарскому, Сербскому, Хорватскому и Хорутанскому, съ которыми и составляетъ онъ особый, неразрывно-цѣлый отдѣлъ *Славянской* рѣчи, называемый *Задунайскимъ* или *Югозападнымъ;* тамъ эти пять языковъ, можно сказать, какъ *родные братья*, точно также, какъ языки: Польскій, Чешскій, Словацкій, Лужицкій и Полабскій, составляютъ другой, органически-цѣлый и неразрывный, отдѣлъ *Сѣверозападный*.

Нынѣ ты, любезный академикъ, отожествляя Великорусское нарѣчіе съ Церковно-Славянскимъ, производишь разомъ два разрыва въ естественномъ родствѣ Славянскихъ языковъ: во первыхъ, ты отрываешь Церковно-Славянскій языкъ отъ ближайшихъ съ нимъ языковъ Задунайскихъ или Югозападныхъ; во вторыхъ, ты разрываешь ближайшее родство Русскихъ нарѣчій, по которому *Малороссійское* и *Великороссійское* нарѣчія, или, говоря полнѣе и точнѣе, *Южнорусскій* и *Сѣверорусскій* языки — родные братья,

Digitized by Google

сыновья одной *Русской рѣчи*. Когда они обособились? Объ этомъ, какъ видно, еще нѣтъ единогласія. Я и теперь полагаю, какъ объяснялъ уже въ «Исторіи древней Руской Словесности» (Гл. IV и V), что Южнорусскій языкъ образовался еще въ древнее, до-Татарское время, когда *Кіевская* Русь была представительницею Русскаго міра, какъ послѣ Татаръ стала Русь *Московская*. Но изъ твоего письма вижу, что г. Срезневскій признаетъ *безразличіе* Южной и Сѣверной Руси въ до-Татарское время, и полагаетъ, что Южнорусскія особенности въ языкѣ и въ народѣ начались не прежде, какъ послѣ нашествія Татарскаго. По моему, какъ и по твоему, это невѣрно! Но если бы пришлось мнѣ изъ двухъ золъ выбирать легчайшее, то я лучше согласенъ признать безразличіе всей Сѣверной и Южной Руси въ древнее до-Татарское время, чѣмъ разрознять ихъ и разрывать ближайшее ихъ родство до такой степени, какъ это сдѣлано въ твоей нынѣшней системѣ, вслѣдствіе твоего прежняго предубѣжденія. Ни одинъ филологъ, по правиламъ и законамъ своей науки, не рѣшится разрознить *Южнорусскаго* и *Сѣверорусскаго* языка: они, какъ родные братья, должны быть непремѣнно *вмѣстѣ*, во всякой *системѣ*, присоединитъ ли она ихъ къ Югозападнымъ или Задунайскимъ языкамъ (какъ у Добровскаго и Шафарика), или къ Сѣверозападнымъ (какъ у Копитара), или поставитъ Русскую рѣчь на особицу отъ тѣхъ и другихъ (какъ сдѣлали мы съ Надеждинымъ *1836* года). Но у тебя есть въ этомъ *предубѣжденіе*, которое и высказалъ ты во 2-мъ томѣ *Изслѣдованій* (1846 г., стр. 390) въ слѣдующихъ словахъ: «Малороссійское и Великороссійское нарѣчіе великіе филологи Добровскій и Шафарикъ причисляютъ къ *одному роду*; но я осмѣливаюсь думать, хоть и *безъ основанія*, что онѣ *разнятся* между собою болѣе, чѣмъ между другими»! Какъ же можно «безъ основанія» становиться въ такое рѣзкое противорѣчіе не только съ двумя великими Чешскими филологами, но и со всѣми вообще!... Чтобы имъ противостать, надо основаніе крѣпкое. Великороссіяне и Малороссіяне, какъ однородцы, имѣютъ полное основаніе и право говорить, какъ

Digitized by Google

нѣкогда говорили послы Олеговы: «Мы отъ рода Русскаго»! — «Свой своему и по неволѣ братъ», говоритъ Русская пословица. Но ты, писавши мнѣ въ отвѣтъ, что въ Кіевѣ Норманны сдѣлались Малороссіянами, что даже Андрей Боголюбскій съ братьями были еще Малороссіяне, и уже ихъ дѣти и внуки сдѣлались Великороссіянами среди Великороссіянъ, въ тоже время ты вотъ что писалъ въ отвѣтъ П. В. Кирѣевскому: «Великороссіяне живутъ рядомъ съ Малороссіянами, исповѣдуютъ одну вѣру, имѣютъ одну судьбу, долго одну исторію. Но сколько есть *различія* между Великороссіянами и Малороссіянами! Нѣтъ ли у *насъ* (т. е. *Великороссіянъ*) большаго сходства въ нѣкоторыхъ качествахъ даже съ Французами, чѣмъ съ ними (т. е. *Малороссіянами*)! Въ чемъ же состоитъ *сходство?* Этотъ вопросъ гораздо затруднительнѣе». (См. Москвитянинъ 1845. Кн. 3) Что это за притча? Одинъ не находитъ *сходства* между Великороссіянами и Малороссіянами; другой не видитъ *различія* между ними въ до-Татарское время; а между тѣмъ первый беретъ въ *подкрѣпленіе* себѣ утвержденіе втораго, и отправляется на немъ въ свой новый путь... Воля твоя, а это похоже на древнюю притчу Кирилла Туровскаго о хромцѣ на слѣпцѣ!... Ты признавалъ прежде древнихъ Кіевлянъ *Малороссіянами*; теперь признаешь ихъ *Великороссіянами:* есть же, стало быть, *сходство* между ними, когда тебѣ, Русскому историку, наши древніе Кіевляне могутъ казаться то Малороссіянами, то Великороссіянами.... Есть же видно и *различіе* между ними, когда и теперь, замѣщая древнюю Кіевскую область *Великороссіянами*, ты все еще въ Галичанахъ, Подолянахъ и Волынянахъ признаешь *Малороссіянъ*. Вразуми жъ меня: на какомъ именно *основаніи* ты полагаешь это рѣзкое племенное *различіе* въ двухъ частяхъ *Русскаго Юга* до нашествія Татарскаго? Между тѣмъ, разрозняя такъ далеко нарѣчія Великороссійское и Малороссійское, вопреки всѣмъ великимъ и малымъ Филологамъ, ты сближаешь до *тожества* Великорусское нарѣчіе съ Церковно-Славянскимъ, и говоришь, что Церковно-Славянское, даже въ томъ видѣ, какъ оно есть въ Остромировомъ Евангеліи,

Digitized by Google

ближе всего съ нашимъ Великороссійскимъ, ближе чѣмъ съ Сербскимъ, Болгарскимъ и всякимъ другимъ! Это опять вопреки всѣмъ филологическимъ примѣтамъ, правиламъ, соображеніямъ. Венелинъ и Палацкій, правда, присоединяли къ Русскому отдѣлу (Сѣверно-и Южнорусскому вмѣстѣ), языкъ *Церковно-Славянскій*; но съ нимъ вмѣстѣ они присоединяли сюда и *Болгарскій* языкъ, по его *ближайшему* сродству съ Церковнымъ. Такимъ образомъ Церковный и Болгарскій языкъ Венелинъ и Палацкій отрывали отъ природнаго мѣста, нарушая черезъ то цѣлость *Задунайскаго* отдѣла, и прибавляя нѣчто разнородное къ нашему *Русскому* или *Восточно-Славянскому* отдѣлу. Что Церковно-Славянскій и Болгарскій языкъ *самые близкіе* между собою, это утвержденіе *Шафарика*, которому послѣдовалъ и достойный ученикъ его, Бодянскій, еще недавно подтвердившій это мнѣніе, въ своемъ сочиненіи: «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ» (1855 г.). Тамъ онъ подтвердилъ и слѣдующій филологическій выводъ: «Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія Славянскія ближе къ себѣ. Это правда; но правда и то, какъ показываетъ *исторія и новѣйшія основательныя изслѣдованія*, что, при всемъ сродствѣ и сходствѣ, нарѣчія эти уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга *тѣми же существенными признаками*, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ». (стр. 252) Добровскій сперва призналъ было Церковный языкъ за древнее *Сербское* нарѣчіе, но потомъ призналъ его за особое *Болгаро-Сербо-Македонское*; Востоковъ сперва называлъ его древнимъ *Болгарскимъ*; Копитаръ—древнимъ *Паннонскимъ*: все это ясно подтверждаетъ, что его ближайшее родство и мѣсто тамъ, въ отдѣлѣ *Задунайскомъ* или *Югозападномъ*: тамъ ему и быть! По своей родинѣ, онъ можетъ называться *Македонскимъ* (какъ у Добровскаго, но съ исключеніемъ лишней приставки: «Болгаро-Сербо-»). Ты все это знаешь изъ первыхъ источниковъ; ибо кому же, какъ не тебѣ, литература наша обязана переводами Добровскаго и первымъ появленіемъ Шафарика?... Но теперь, пустясь въ «*новый путь*» не строгой филологіи, а наведенія, и

Digitized by Google

скользя, такъ сказать, по поверхости предмета (твои слова) ты, вопреки филологамъ, заключилъ, что *Церковно-Славянское* нарѣчіе есть ближайшее къ *Великорусскому* и почти тожественное съ нимъ, и воскликнулъ: «А мы ищемъ его по всему свѣту, и не находимъ! Не похожи ли мы на Улисса, не узнавшаго своей Итаки!»

При этихъ словахъ твоихъ мнѣ вспомянулся нашъ достопамятный велемудрый адмиралъ Шишковъ, который, въ своихъ странствіяхъ по *старо-Словесному* морю, наплылъ на такое утвержденіе, что нарѣчіе Русское «не есть нарѣчіе Славянскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія»! — Узнаёшь ли ты здѣсь свою Итаку?... А ты и не вспомянулъ о Шишковѣ, говоря о своей мысли касательно тожества Великорусскаго нарѣчія съ Церковнымъ, мысли, которой ты сперва *испугался*, какъ будто какой новости и небывальщины! Оставивъ твердый берегъ строгой филологіи и богатство, ею добытое въ глубинахъ Славянской рѣчи, ты пустился по поверхности сомнительныхъ волнъ, и уже прибѣгаешь къ помощи. Ты выписываешь, «весьма важную» для тебя страницу, изъ разсужденія г. Каткова «Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка» (1845), и утѣшаешь себя мыслію, что сей ученый, «по строгимъ законамъ новой филологіи», пришелъ къ тому же заключенію, какое ты сдѣлалъ a priori»! Но Катковъ тебѣ не въ помочь. Послушай, что говоритъ онъ теперь, черезъ десять лѣтъ послѣ своего Разсужденія, изъ котораго ты взялъ страницу, какъ *сильное подкрѣпленіе*! Въ своей статьѣ о Пушкинѣ (во 2-мъ номерѣ «Русскаго Вѣстника) онъ говоритъ: «То, что теперь называемъ мы Русскимъ языкомъ, есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе Церковно-Славянское. Но менѣе извѣстно то, что это нарѣчіе *существенно разнилось отъ народнаго*, которое долгое время не знало письменности, и лишь въ болѣе позднюю эпоху стало появляться въ памятникахъ, не имѣющихъ литературнаго значенія, преимущественно юридическихъ; мы говоримъ: менѣе извѣстно, потому, что хотя

Digitized by Google

различіе между Церковно-Славянскимъ языкомъ и языкомъ народнымъ чувствуется всѣми, и хотя теперь едва ли кто видитъ въ Церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействѣ Славянскихъ нарѣчій Церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ Русскимъ, по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ *противоположнымъ* вѣтвямъ общаго семейства». (стр. 320).

Въ концѣ письма ты выписываешь еще изъ статьи г. Сухомлинова замѣчаніе, *для тожества* Церковнаго и Русскаго языка, что въ Сербіи въ XV-мъ вѣкѣ было мнѣніе о переводѣ Св. Писанія «на *Рускій тончайшій языкъ*»! Не значитъ ли это хвататься за соломинку?....

Письмо третье.

15 Іюля.

Сегодня день Св. Равноапостольнаго князя *Владиміра*, и мнѣ пріятно провести этотъ день въ бесѣдѣ съ тобою о великомъ и святомъ *Просвѣтителѣ* Руси. Ты, въ своемъ письмѣ, говоришь: «Далѣе пришло мнѣ въ голову слѣдующее замѣчаніе: Малороссіяне есть народъ самый пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ пѣсенъ о древнемъ нашемъ времени, между тѣмъ какъ этѣ пѣсни о Володимерѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимирѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно, опять тоже заключеніе: не Малороссіяне жили въ Кіевѣ во время Володимера, а Великороссіяне, которые разнесли тамошнія пѣсни по всему пространству Русской земли». Что у Малороссійскаго народа великій князь Володимеръ не воспѣвается наравнѣ съ Морозенкомъ, Нечаемъ, Палѣемъ и другими витязями Козацкой Украины, это для меня совершенно понятно, и нисколько не удивительно. У насъ, въ Малороссіи, еще въ древнее время Князь Володимеръ былъ признанъ и прозванъ *Святымъ* (какъ Олегъ *вѣщимъ* и т. п.). Это прозванье извѣстно изъ нашей Волынской Лѣтописи, гдѣ, подъ 1254 годомъ, сказано: «Ни Святославъ *Хоробрый*, ни Володимеръ *Святый*».

Digitized by Google

Святому князю—и святыя, церковныя, молитвенныя, пѣсни: и какъ торжественно раздаются онѣ изъ устъ *пѣвучаго народа*, особливо въ великой Печерской церкви, гдѣ, *при Главѣ равноапостольнаго Князя*, бываетъ ежегодно празднество въ этотъ день! Не забуду, съ какимъ восторгомъ я, только что пріѣхавшій изъ Москвы въ Кіевъ, въ 1834 году, когда, предъ открытіемъ Университета Святаго Владиміра, при Главѣ его въ Печерской церкви священнодѣйствовалъ митрополитъ Евгеній, и было тамъ необычайное стеченіе просвѣщеннаго люду съ обѣихъ сторонъ Днѣпра!... А въ нынѣшнемъ Маѣ мѣсяцѣ, когда я, не видавъ Кіева 8 лѣтъ, посѣтилъ его, я вновь наглядѣлся, съ какою набожностью Малороссійскія поселянки кланяются гробницѣ Святаго Володимера, съ какимъ усердіемъ онѣ вѣшаютъ свои приношенія—платки и куски полотна!... Не скажу, однако, чтобы на Украинѣ совсѣмъ не осталось слѣдовъ давняго поэтическаго взгляда на князя Володимера. Въ знахорскихъ заговорахъ, на примѣръ, говорится: « Мѣсяцю-Володимере! ты въ небѣ, дубъ у полѣ, камѣнь у морѣ »... Здѣсь, на Побережьѣ Днѣпровскомъ, отъ старыхъ поселянокъ, я узналъ *Купальную* пѣсню съ слѣдующимъ припѣвомъ:

«Коло Володимера на Ивана—не орѣхъ
Се стелеться съ подолъ ».

Для меня непонятенъ смыслъ этого припѣва; но какъ обрадовался бы ему покойный Вадимъ Пассекъ, въ подкрѣпленіе своей мысли, что воспѣваемая въ Украинскихъ Купальныхъ пѣсняхъ *Ганна* есть Володимерова супруга *Анна!* (см. «Очерки Россіи»). А между тѣмъ эта загадочная *Ганна* воспѣвается и въ Словацкихъ Купальныхъ (Святоянскихъ) пѣсняхъ (см. въ « Народныхъ Спѣванкахъ, » изданныхъ Коларомъ). А что сказанья и пѣсни о пирахъ Володимеровыхъ и другихъ его похожденіяхъ были и здѣсь, на Украинѣ, въ древнее время, то видно изъ Лѣтописи нашего Нестора, гдѣ говорится о единоборствѣ Переяславскаго отрока-кожевника (*Яна Усмошвеца*, по Ник. Л.); о томъ, какъ Владиміръ сказалъ Болгарскимъ по-

Digitized by Google

самъ: «Руси есть веселье пити, (*) не можемъ безъ того быти!» и какъ потомъ, слушая рѣчи философа о Болгарахъ Волжскихъ, «плюну на землю, рекъ: нечисто есть дѣло!»—или о томъ, какъ уставилъ Володимеръ пиръ творити по воскреснымъ днямъ на княжескомъ дворѣ, въ Гридницѣ, и какъ подпившая дружина говорила: Зло есть нашимъ головамъ, что ѣдимъ деревянными ложками, а не сребряными» и т. д. Нельзя и сомнѣваться, что въ Кіевѣ, на пирахъ Володимеровыхъ, пѣлись пѣсни и Малороссійскими и Великороссійскими пѣвцами, сопровождавшими пѣніе игрою на звончатыхъ гусляхъ, какъ пѣлъ и нашъ *вѣщій Боянъ*, во время Володимера Мономаха, какъ и современный Бояну Ставръ Годиновичь пѣлъ, конечно, Князю Мономаху *Володимеру*, а не Святославичу. Но въ Великорусскихъ пѣсняхъ вся древняя жизнь Руси слилась въ одинъ богатырскій вѣкъ Володимеровъ (подобный Западному Карлову вѣку); въ нихъ — къ *Ласковому* князю Володимеру являются въ Кіевъ не только современники его, но и тѣ лица, которыя жили въ XII-мъ вѣкѣ! Вотъ это между прочимъ, и заставляетъ меня думать, что большая часть Великорусскихъ пѣсенъ, по содержанію относящихся къ Володимеру и его богатырямъ, сложена уже въ послѣ-Татарское время, по прежнимъ сказаньямъ (какъ я уже и писалъ къ тебѣ объ этомъ въ двухъ письмахъ «О народной исторической поэзіи въ древней Руси,» напечатанныхъ въ Москвитянинѣ 1845 г.).

Ты говоришь, что Великороссіяне разнесли по Руси изъ Кіева *тамошнія* пѣсни о Володимерѣ: я согласенъ съ тобою, разумѣя, что они разносили ихъ по пространству *Великой Руси*. Но для этого не надо выживать изъ Кіева Малороссіянъ, и замѣщать ихъ Великороссіянами. Когда Владимиръ, для противодѣйствія Печенѣгамъ, строилъ новые города въ Малороссіи, по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, — онъ бралъ *лучшихъ мужей* отъ Словенъ (Новгородскихъ), отъ Кривичей, и отъ Чуди, и отъ Вятичей «и отъ сихъ насели грады» (*Несторъ* подъ 988 г.). Это

(*) Въ спискахъ: «питье».

Digitized by Google

значитъ только, что въ Малороссіи, среди коренныхъ ея старожиловъ (Полянъ и Сѣверянъ), водворяемы были Владимиромъ *Великороссіяне*, и *Бѣлоруссы*, и *Чудь*, — какъ послѣ сынъ его, Ярославъ (1031 года), поселилъ на р. Роси полоненныхъ имъ *Ляховъ*, гдѣ и были они во время Несторово (а Мстиславъ, доставшихся на его долю, Ляховъ, поселилъ, безъ сомнѣнья, на лѣвой сторонѣ Днѣпра); какъ Мономаховы сыновья, Ярополкъ построилъ на Сулѣ городъ Желны или Желнинъ (по нынѣшнему Жóвнинъ), для полоненныхъ имъ *Дручанъ*, а Юрій Долгорукій, по вторичномъ занятіи Кіева, водворилъ (впрочемъ не надолго) своихъ *Суздальцевъ* по Малороссійскимъ городамъ и селамъ; какъ и въ позднѣйшіе вѣка, можно сказать на нашей памяти, водворялись Великороссіяне цѣлыми слободами въ Малороссіи, среди народа Малороссійскаго. Подобно тому, среди кореннаго народа Малороссіи, водворялись въ древнее время *Торки*, *Берендѣи*, *Черные Клобуки*. Изо всего этого можно выводить заключеніе такое, что въ древнее время, у Малороссійскаго народа было живое и, такъ сказать, *домашнее* общеніе съ Великороссіянами, съ Бѣлоруссами, и съ Ляхами, съ Чудью, съ народцами Турецкаго племени, но никакъ не слѣдуетъ, чтобы Малороссіянъ не было здѣсь въ древнее, до-Татарское время.

Къ Володимеру въ Кіевъ приходили богатыри со всѣхъ концевъ Руси (Южной и Сѣверной). Изъ Руси Сѣверной приходили и Новгородцы, и «Мужики-Залѣшане». Первѣйшій изъ нихъ былъ богатырь *Илья Муромецъ*, изъ села Корочаева, который понынѣ почиваетъ въ Кіевѣ, среди угодниковъ Печерскихъ. Но другъ Ильи Муромца, славный *Добрыня*, дядя Володимеровъ, былъ *Малороссіянинъ*, земляк *Первоначальника* Русскихъ иноковъ, Преподобнаго *Антонія* Печерскаго: «Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ (милостьницѣ) Ольжины; сестра бо бѣ Добрыпя; отець же бѣ има *Малко* (*) *Любечанинъ*» (Любечанинъ же былъ и *Антоній* Печерскій).

(*) *Малко* въ Ипатьевскомъ и др. сп. (только въ Лаврент. сп. *Малкъ*):

Digitized by Google

Великороссіяне, приходившіе въ Кіевъ къ Володимеру, распространяли по Русскому Сѣверу пѣсни и сказанья о ласковомъ, гостепріимномъ Князѣ Кіевскомъ, который былъ княземъ и всего соединеннаго и *просвѣщеннаго* имъ *Русскаго міра*. Но прежде, чѣмъ можно было сказать о немъ словами Нестора: «Володимеръ просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его» (988 г.), прежде, чѣмъ онъ сталъ *Кіевскимъ* княземъ и единовластникомъ всея Руси (980 г.), онъ былъ (съ 970 года) княземъ *Новгородскимъ*, имѣя при себѣ тамъ и *дядю* своего, *Добрыню*. И не съ этого ли *десятильтія* началась та особенная *поэтическая* привязанность веселыхъ молодцевъ Новгородскихъ къ своему *Ласковому* разгульному князю Володимеру, и его дядѣ, Добрынѣ, которая потомъ, подкрѣпленная новыми сказаньями о гостепріимствѣ и пирахъ Володимера въ *Кіевѣ*, такъ утвердилась въ народной памяти Великороссіянъ, и высказалась потомъ въ пѣснопѣніяхъ, представляющихъ князя Володимера обыкновенно только съ одной, гостепріимной и гулливой, стороны его жизни?.... Въ поэтической памяти Великороссійскаго народа Князь Володимеръ остался какъ представитель всей древнерусской жизни, какъ ласковый князь-богатырь Русской земли. Но у народа Малороссійскаго, которому, вмѣстѣ съ Кіевомъ, достались и священные останки Володимера подъ развалинами его десятинной церкви, онъ запечатлѣлся второю стороною своей великой жизни, какъ *Святый Володимеръ*, какъ *Равноапостольный Князь*! Пѣвецъ Игоря (въ 1186 году), будучи глубоко проникнутъ любовью къ своей родной землѣ, страдая тогдашними бѣдами и страданьями ея, и какъ бы уже предвидя близкое паденіе ве-

---

это уменьшительное Славянское имя *Малъ*, которое извѣстно по современному князю Древлянскому; отсюда прозванье дочери *Маловой* или *Малковой*—*Малуша*; а братъ ея, *Добрыня*, по этому будетъ *Маловичъ* или *Малковичъ*. Но тебѣ казалось въ «Изслѣдованіяхъ», что «имя *Малуша* можетъ быть также, что и *Малфрида*» и что она была, «вѣроятно, *Норманка*»! Тебѣ и личное имя брата ея, *Добрыня*, казалось только *нѣсколько* Словенскимъ»: отъ чего же *нѣсколько*, а не вполнѣ? Хотѣлось тебѣ, чтобы и Добрыня былъ, *вѣроятно, Норманномъ*?

Digitized by Google

ликокняжеской Кіевской Руси, говорилъ: «О стонати Русской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владимера нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевськымъ!»

Теперь обратимся къ *тожеству* народнаго и письменнаго языка въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Я становлюсь на твою точку зрѣнія, беру самые древніе наши памятники, *Договоры* съ Греками Олега Вѣщаго, Игоря Рюриковича и Святослава Хоробраго, смотрю пристально, — и увы! не вижу въ нихъ провозглашеннаго вами *тожества*; напротивъ *двоякость* языка (отъ соединенія Русскаго съ Церковно-Славянскимъ) кидается въ глаза сама собою. Но объ этомъ—въ слѣдующемъ письмѣ.

Письмо четвертое.

17 Іюля.

Истинно не понимаю, какъ могъ ты назвать *справедливымъ* утвержденіе, будто бы въ Древнерусскихъ памятникахъ, писанныхъ до XIII-го вѣка, Русскій *народный* языкъ не *показался* нигдѣ своими *особенностями*, и потому онъ безразличенъ, тожественъ съ языкомъ *книжнымъ*?... Да не самъ ли ты приводишь изъ Нестора и Кіевской Лѣтописи XII-го вѣка цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ различаешь слова и обороты *не Церковныя*, но, по твоему, «*чисто Великороссійскія*», и это различеніе, этотъ рядъ выписокъ, ты полагаешь въ *основаніе* твоей новой системы!... Положимъ даже, что отмѣченныя тобою выраженія и не «чисто Великороссійскія»; но здѣсь достаточно уже, что они *Россійскія*, что они *не-Церковныя*. Отличая ихъ отъ прочихъ, *Церковныхъ*, формъ, въ языкѣ Нестора и Кіевской Лѣтописи, ты самъ показываешь въ немъ очевидное присутствіе и сочетаніе двухъ языковъ: Церковнаго, книжнаго, и не-Церковнаго, народнаго, или скажемъ опредѣлительнѣе: *Церковно-Славянскаго* и *народно-Русскаго*, чтобъ неоставалось недомолвки. О трехъ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, о *Договорахъ* Кіевской Руси съ Греками, ты справедливо замѣчалъ, въ «Изслѣдованіяхъ», что писцемъ ихъ былъ всего скорѣе *Болгаринъ*. У Нестора объ Игоревомъ

Digitized by Google

Договорѣ сказано: « Романъ же созва боляре и саѳовники, приведоша Рускыя слы, и велѣша глаголати, *писати обоихъ рѣчи* на харатьѣ». Этимъ сказаньемъ я поясняю *двоякость*, очевидную въ языкѣ Договоровъ: писецъ, переводчикъ Греческій, какъ ты полагаешь *Болгаринъ*, пишетъ текстъ Договоровъ на *письменномъ* языкѣ *Славянскомъ*, переводя на него и рѣчи Греческихъ боляръ, но, включая туда и рѣчи Русскихъ пословъ, онъ ставитъ въ своемъ текстѣ не рѣдко и формы словъ *Русскія*.

Смотри въ Олеговомъ Договорѣ первое народнорусское выраженіе « *о Головахъ* ». Это существительное имя во всей Западной Славянщинѣ, Южной и Сѣверной, давнымъ давно уже перемѣнилось въ *глава*, *глова*, *лова*; въ народныхъ Русскихъ нарѣчіяхъ понынѣ говорятъ: *голова* и *галава*. Если бы Русской посолъ говорилъ по Бѣлорусскому или Среднерусскому произношенію, то Задунайскому Славянину, говорящему *глава*, ближе бы и написать *галава*. Но если написано *голова*, то это можетъ служить примѣтою, что такъ написано по выговору другаго Русскаго нарѣчія, всего вѣроятнѣе Кіевскаго, такъ какъ посольство было изъ Кіева.

Слѣдуетъ другое слово, *лодья*; опять Русская форма слова, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Задунайской Славянской рѣчи, гдѣ это слово приняло звукъ *а*, *ладья*. Ты, сколько помню, въ своихъ «Изслѣдованіяхъ», относилъ это слово къ Скандинавскимъ или Норманскимъ; но то была явная ошибка, происшедшая отъ твоего чрезмѣрнаго усилія находить Сандинавство во всей Русской жизни до XI-го вѣка; ты вѣдь утверждалъ тамъ, что и наша Русская миѳологія была *Скандинавская*, а не *Славянская*! Слово *лодья* есть обще-Славянское, принадлежащее и Литовской рѣчи, и Скандинавской, и Чудской или Финской. Въ Олеговомъ Договорѣ читаемъ: « Аще ли таковая *лодья* ли отъ буря или *бороненія* земнаго *бронима*, не можетъ *възборонитися* въ своя си мѣста, *сѣпотружаемъся* гребцемъ тоя *лодья* мы Русь и *допровадимъ* съ куплею ихъ *поздорову*». Далѣе: *вооволочимъ* ихъ мы Русь — *полоняникъ* — о *полоненіи* — по 20 *золота*—*по нужи*—*межи* вами — *хотять* — не *переступати*».

Digitized by Google

Изъ Игорева Договора выпишу слѣдующія формы словъ *чисто-Русскія*, которыхъ нѣтъ во всей Западной Славянщинѣ: «да входять въ *городь одинѣми вороты* — да не имѣють *волости* купити *паволокъ* лише по 50 *золотникь* — елико есть *городовъ* — но егда придетъ *осень*.» Изъ Святославова Договора выпишу Русскія формы словъ, отличныя отъ Церковно-Славянскихъ: «*хочю* — *утвержаю* миръ — елико есть *городовъ* — яко *золото*.»

Въ добавокъ къ этимъ *Русскимъ* словамъ, взятымъ изъ памятниковъ X-го вѣка, писаннымъ Греческими писцами изъ Болгаръ или иныхъ Славянъ Задунайскихъ, возмемъ нѣкоторыя *Русскія* формы словъ изъ пѣсни о Полку Игоревомъ, сложенной Южнорусскимъ пѣвцемъ подъ исходъ XII-го вѣка, именно *1186—87* года (говорю это утвердительно). Въ этой пѣсни *народныя Русскія* формы словъ такъ рѣзко отличаются отъ находящихся тамъ же формъ *Церковно-Славянскаго* языка (уже бывшаго тогда *письменнымъ* языкомъ Руси), что, для большей очевидности, я раздѣлю ихъ чертою:

Голова, голосъ, соловій, молодый, золото, шеломъ, (или, по Кіевской Лѣтоп., шоломъ), молотять, городъ, ворота, забороло, воронъ, хоробрый, берегъ, одинъ, озеро, собѣ, ночь.	Глава, гласъ, славїй, младый, злато. градъ, врата, забрало(*), вранъ, храбрый, брегъ, единъ, себѣ, нощь.

Не ужели и здѣсь не *показалась* еще наша народная Русская рѣчь своими *особенностями* ?... Нѣтъ, въ словахъ, которыя выписалъ я тебѣ изъ трехъ Договоровъ, Пѣсни Игоревой (пропуская всѣ прочіе памятники, гдѣ въ изобиліи находятся тѣже формы, особливо въ Русской Правдѣ, въ Нес-

(*) Дубенскій, въ своемъ изданіи слова о Полку Игоревомъ, 1844 года, въ приложенномъ тамъ *Указателѣ* (Словарѣ), положилъ слово *забрало*, *забороло*, въ мужескомъ родѣ, *забралъ*, *заборолъ*! Такъ и нѣкоторыя другія Древнерусскія слова положены тамъ не въ томъ видѣ, какой имѣли и еще имѣютъ они дѣйствительно въ языкѣ, на примѣръ, вмѣсто *насадъ* муж. р., *лука-моря*, *Боричевъ* (увозъ Боричевъ), *папорзъ*, *брехати*, Дубенскій сочинилъ: *носада* жен. р., *лукъ — моря*, *Боричево*, *папорогъ*, *брешити*, и прочая.

Digitized by Google

торѣ, въ Кіевской Лѣтописи) *Руская народная рѣчь* ясно же обозначилась своими отличительными и существенными примѣтами ото всей *Западно-Славянской* рѣчи, въ особенности языка *Церковнославянскаго*.

Въ отличіе отъ *всей Западно-Славянской* рѣчи, она означилась, во первыхъ, тѣми *полногласными* словами, въ срединѣ которыхъ звуки *л* и *р* обставлены двумя гласными *о* или *е* (по областнымъ нарѣчіямъ измѣняются они въ *а*, *и*) какъ-то: голова, голосъ, болото, золото, золотникъ, паволока, волость, полоняникъ, полонити, молодый, соловій, шоломъ, молотити, городъ, ворота, заборало, воронъ, хоробрый, порохъ (во множ. пороси), боронити, по здорову, берегъ, переступати. Слова этой отличительной породы понынѣ ведутся въ народной Русской рѣчи какъ Сѣверной, такъ и Южной, слѣдственно они принадлежатъ равно всей Русской рѣчи. Они произошли въ ней не отъ вліянія Финской рѣчи (какъ полагалъ Добровскій), и не отъ вліянія климата (какъ полагалъ Востоковъ), т. е. Сѣвернаго климата (какъ утверждалъ Надеждинъ), но составляютъ исконную, первобытную принадлежность Русской рѣчи, какъ доказывалъ я съ 1836 года, приведенный къ этой мысли сравненіемъ Русскихъ формъ съ Санскритскими (*порохъ* или порахъ — *parâga*, боровъ — *varâga*, *который*— катара, и прочая), и видя, что два гласные звуки, которыми обставлены *л* и *р* не вставные, и не бѣглые, но *коренные* и *постоянные*, въ Русскомъ выговорѣ, да и не *короткіе!*

Во вторыхъ: Русская рѣчь въ древнихъ памятникахъ нашихъ означилась отличительно словами: *осень*, *одинъ*, *озеро*, въ которыхъ удерживается начальный звукъ *о*, между тѣмъ какъ въ Церковно-Славянскомъ и во всѣхъ прочихъ Западно-Славянскихъ языкахъ въ этихъ словахъ вмѣсто *о* ставится *е*: *есень*, *единь*, *езеро*.

Наконецъ, я отмѣтилъ тебѣ, въ отличіе Русской рѣчи отъ Церковно-Славянскаго языка, слова: а) по *нужи*, *межи* вами, *утвержаю*, *съпотружаемся*; б) *хочю*, *хотять*, *ночь*.

Церковно-Славянскій языкъ имѣетъ двѣ особенности, ему исключительно принадлежащія, т. е. что сложенный звукъ *тщ*

Digitized by Google

(= ч) перевернутъ у него въ *шт* (= *щ* не по нашему, а по Кирилловскому, первоначальному значенію этой буквы); а сложный звукъ *дж* перевернутъ въ *жд*.

Подобно тому изъ корня *ход*, съ прибавкою глагольнаго окончанія *жу*, выходитъ *ходжу*, какъ и теперь еще говоритъ Южнорусскій народъ во многихъ мѣстахъ Украины и Черновой Руси; но вообще въ Русской рѣчи, изъ сложнаго звука *дж*, отброшенъ коренной звукъ *д*, и оставлено только *ж*: *хожу*, а въ Церковно-Славянскомъ языкѣ оборотомъ *дж* въ *жд* — *хожду*. По этому и вмѣсто Церковно-Славянскаго глагола *съпотруждаемъся*, находимъ въ Олеговомъ договорѣ — *съпотружаемся*; тамъ же «по *нужи*, *межи* вами»; а въ Церковно-Славянскомъ *нужда*, *между*, перевернулися изъ первообразныхъ *нуджа*, *меджу* (*меджи*, *меджъ* и *медь*), отъ которыхъ, съ пропускомъ кореннаго *д*, въ Русской рѣчи издревле оставались *нужа*, *межи*, *межю* или *межь* (по Украински *мѣжъ*), хотя въ Русскомъ извѣстны *нуда* и *нудьга*, а въ Карпато-Русскомъ поднарѣчіи слышны: *меджи* и *нуджа*. Удержаніемъ сложнаго звука *дж*, въ этихъ случаяхъ, въ Задунайскомъ отдѣлѣ отличается Хорватскій языкъ; Сербскій любитъ звукъ *дь*; Хорутанскій опускаетъ коренной звукъ *д*, и вмѣсто *ж* ставитъ полугласный *й* или *ь* (вмѣсто *нужа* — *нуя*). Въ Сѣверозападномъ удѣлѣ звукъ *дж* переходитъ въ *дз*: такъ по Словацки, вмѣсто *меджи*— *медзи*; но по Чешски выключается коренной звукъ *д*—*мези* (сотвѣтственно нашему *межи*). Вотъ какимъ путемъ, вмѣсто кореннаго *д*, являются *дж*—*ж*, и *дз*—*з*. Языкъ Южно-Русскій въ народномъ произношеніи удерживаетъ первобытный звукъ *дж* и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, на примѣръ: *джерело* — жерело, жерло, *джбань* — жбанъ (въ Польск. и Чеш. *дзбань*, *збань*). Такъ и въ Санскритскомъ: *джани*, жона, жена; *джива*, жизнь, и проч.

Я это сказалъ для того, чтобы показать, какую *особенность*, несогласную съ общимъ строемъ Славянской рѣчи, представляютъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ эти звуки *жд* и *шт*, перевернутые изъ первообразныхъ *дж* и *тш* (= ч), и для объясненія, почему у насъ на Руси въ древнее время такъ не любимо было это Церковно-Славянское

Digitized by Google

жд, пока, наконецъ, къ нему попривыкли. Вспомни, что и въ молитвѣ « Отче нашъ », вмѣсто « *даждь* намъ дьньсь » (какъ въ Остромировомъ Евангеліи), въ другихъ Русскихъ спискахъ Евангелія XII и XIII-го вѣка писано: «Дажь», а въ спискахъ XIV в. « *Даи же* »; въ древнѣйшемъ же спискѣ Экзархова Богословія даже выскоблено *д* послѣ *ж*: *даж.ь*, *вож.ю*, *коуж.а*. Потому-то и въ Твореніяхъ Св. Кирилла Туровскаго читаемъ: *вижь* (а не виждь), *стражю* (а не *стражду*), *нужа* (а не *нужда*), *прежѣ* (а не *прежде*), *чюжа* (а не *чужда*), *вожи* (а не *вожди*), *рожьство* (вм. *рождьство*), *заблужьшимъ*, *расуженьемъ* твоихъ мыслій, и проч. Наконецъ, и въ посланіи св. Симона къ Поликарпу сказано о Св. Леонтіи Ростовскомъ: « се третій *гражанинъ* небесный бысть Русскаго міра ». Тутъ взято Церковно-Славянское слово *гражданинъ*, но съ исключеніемъ кореннаго звука *д*, потому что онъ Поставленъ послѣ *ж*, и вышло стеченіе звуковъ, которое для древней Руси казалось несвойственнымъ.

Предлагаю на твое разсужденіе слѣдующія слова изъ Игоревой пѣсни: *плькъ*, *влькъ*, *стльпъ*, *брѣзъ*, *врѣжъ*, и прочая. Вѣдь это не *народныя* Русскія формы словъ? По Русски говорится *полкъ*, *волкъ*, *столпъ*, *борзъ*, *верьхъ*; то принадлежность нашего *книжнаго*, церковнаго языка, который въ устахъ своего Задунайскаго (Македонскаго) народа такъ любилъ обращеніе гласныхъ звуковъ *о* и *е* въ полугласные, въ срединѣ словъ. Для Русской рѣчи, искони любящей полногласіе, трудно было это непрестанное улетученье гласныхъ звуковъ, это превращеніе ихъ въ полугласные, какое любилъ языкъ Церковно-Славянскій, можно сказать противоположный Русской рѣчи по этому свойству (*мьчь*, *дьнь*, *зълъ*, *плънъ*). И когда онъ сталъ богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ на Руси, у насъ довольно долго соблюдали эту его особенность, довольно долго писали въ срединѣ словъ, вмѣсто коренныхъ гласныхъ *о* и *е*; однако потомъ перестали такъ писать, и стали писать сообразно своенародному, Русскому выговору, который ни какъ не могъ покориться въ этомъ выговору Кирилловскаго языка и передѣлаться на его ладъ; напротивъ, этотъ посдѣдній

Digitized by Google

передѣлался у насъ на Русскій ладъ, растворился полногласіемъ Русской рѣчи.

Подобное измѣненіе Церковный языкъ получилъ у насъ и въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ особенностяхъ, которыми онъ не сходился съ природною Русскою рѣчью вообще, и съ Великороссійскимъ нарѣчіемъ въ особенности. На примѣръ, отъ чего въ Московскихъ изданіяхъ поставлено «да пріидетъ царствіе твое,» — когда въ Остромировскомъ спискѣ было: «да придеть царствиѥ твоѥ»? Конечно отъ того, во 1-хъ, что, по господствующему Великороссійскому выговору, глагольное окончаніе 3-го лица утвердилось съ ѣ-мъ(*mъ*), а въ Кирилловскомъ языкѣ оно было отточенное ь-мъ(*mь*), какъ и понынѣ оно въ нарѣчіи Малороссійскомъ. Во 2-хъ, потому что Великороссійское нарѣчіе не различаетъ *легкаго* ѥ отъ *тонкаго* или *остраго* ѥ, и ставитъ въ словахъ одинъ звукъ.

Другой примѣръ. Отъ чего въ Московскихъ изданіяхъ поставлено: «да будетъ волѧ твоѧ», — когда въ Остромировскомъ спискѣ было: «да бѫдеть волѩ твоѩ»?

О перемѣнѣ *mь* на *mъ* сказано выше. Постановка же *у* вмѣсто *юса* (ѧ) произошла отъ того, что для Русской рѣчи несвойственно превращеніе переходнаго звука *у* въ тотъ носовой звукъ, который въ Кирилловской азбукѣ изображался буквою ѧ. Русскому люду не для чего была эта буква, не имѣющая для себя звука въ его рѣчи; потому наши давніе Русскіе грамотники выключили *юсъ* изъ своего писанія. Такъ бы поступить имъ и съ буквою ѧ; ибо въ Русской рѣчи тоже нѣтъ различія для слуха между постоянным *я*, и переходнымъ *я*, и этотъ послѣдній не превращается у насъ въ тотъ носовой звукъ, который въ Кирилловской азбукѣ изображался буквою ѧ. Но удержавъ эту букву, по другой причинѣ, наши грамотники скоро забыли ея подлинное, первоначальное значеніе, смѣшали ее съ буквою *а*, и потомъ дали имъ уже произвольное различіе въ правописаніи, совсѣмъ не такое, какъ было первоначально въ языкѣ Кирилловскомъ. Отъ того-то, вмѣсто «волѩ твоѩ» какъ было, и какъ бы должно, стали писать: «волѧ твоѧ». Такъ же несвойственно ставится ѧ

Digitized by Google

вмѣсто ѧ и въ Славянской грамматикѣ Добровскаго (и въ вашемъ Русскомъ ея переводѣ); ибо знаменитый Чешскій филологъ, хотя разбиралъ Славянскій языкъ до послѣдняго корешка, но не разобралъ подлиннаго значенія буквъ ѧ и ѧ въ Кирилловской азбукѣ, и ихъ правильной постановки. Это объяснилъ Славянскому міру нашъ первоначальникъ въ филологіи, Востоковъ, (въ своемъ достопамятномъ разсужденіи о Славянскомъ языкѣ, *1820* года), — и чѣмъ же объяснилъ? Сравненіемъ *Церковно-Славянскаго* языка по Остромировскому списку ... (не съ Великороссійскимъ нарѣчіемъ; но....) съ *Польскимъ* языкомъ: съ нимъ оказалось, въ этомъ случаѣ, *ближайшее* сходство.

Для Русской грамоты Церковно-Славянскія буквы ѧ и ѧ были совершенно лишнія и напрасныя; ибо въ Русской рѣчи нѣтъ звуковаго различія между *постоянными у* и *я*, и *переходными;* но въ Западно-Славянской рѣчи переходные звуки *у* и *я* подверглись разнообразнымъ превращеніямъ, въ томъ числѣ и въ *косовые* сложные звуки, въ которые переходили они такъ *послѣдовательно* въ *четырехъ* языкахъ (за Дунаемъ — въ Церковно-Славянскомъ и Хорутанскомъ, на Сѣверо-Западѣ — въ Польскомъ и Полабскомъ), такъ послѣдовательно и соотвѣтственно, что зная Польскій и Полабскій выговоръ, на примѣръ, слова *ячмень — енчмень, янсмень*, утвердительно говорю, что въ Остромировскомъ спискѣ ошибочно поставлено *ѧчмы*, и что по древнему Кирилловскому правописанію надо писать *ѧчмы*. Тутъ я не могу не замѣтить, какъ напрасно филологическая теорія достопочтеннаго Павскаго различаетъ и въ составѣ Русскаго языка одно *косовое я* (ѧ), будто бы слагающееся изъ *ен*, и разлагающееся на *ен* другое *чистое я* (ѧ), сложенное изъ *ь* или *й* съ *а*. Мнимое составленіе изъ *ен* и разложеніе на *ен* теорія Павскаго приписала не только *косовому я*, но и его *камѣстнику а*. Такъ, на примѣръ, *личныя* уменьшительныя имена: *Саша, Маша, Ваня, Дуня*, по теоріи, сокращены изъ *Сашень, Машень, Ванень, Дунень*, и носовыя *а, я*, остаются въ нихъ безъ разложенія на *ен*, пока находятся въ концѣ своихъ словъ; но если, на примѣръ, къ *Саша* прибавится слогъ *ка*, тогда намѣстный *а*, очутясь

Digitized by Google

въ срединѣ слова, разлагается на *ен*, и выходитъ не *Сашака*, а *Сашенька*. (Фил. Набл. II. 187, 215.) А по моему, слогъ *ка* принимается *личными* уменьшительными именами на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣми вообще именами, кончащимися на *а* и *я*; всѣ они одинаково, получая новый звукъ *а* въ слогѣ *ка*, отбрасываютъ свой прежній *а*. Такъ отъ имени *Саша*, съ прибавкою *ка*, произойдетъ конечно не *Сашака*, однако и не *Сашенька*, а просто *Сашка*, какъ отъ слова *душа — душка*. Имена, кончащіяся на *я* (= *ь* + *а*), съ прибавкою слога *ка*, тоже отбрасываютъ отъ себя прежній *а*, удерживая при себѣ только *ь*; и потому отъ *Ваня*, *баня*, *пуля*, съ прибавленіемъ слога *ка*, происходятъ *Вань-ка*, *бань-ка*, *пуль-ка*: здѣсь очевидно звукъ *я* разлагается на свои составныя части *ь* + *а*. Въ этомъ сложеніи и состоитъ существо звука *я*, также, какъ существо воды въ сложеніи изъ кислорода съ водородомъ, какъ существо зеленаго цвѣта въ сложеніи желтаго цвѣта съ синимъ, — и разложиться звукъ *я* можетъ только на *а*, и на *ь* или *й*; что же касается до слога *ень*, то онъ (наравнѣ съ слогами *онь*, *оч*, *еч*), включается въ слова, какъ особый уменьшительный слогъ: *Саш-ень-ка*, *душ-ень-ка*. Переходный звукъ *я*, также какъ и постоянный *я*, имѣютъ одинъ и тотъ же звуковой составъ. Переходной *я* можетъ замѣняться звуками *а*, *е*, и носовыми *ан*, *ен*, *ин*; но въ каждомъ изъ этихъ звуковъ свой особый составъ, съ которымъ они и являются уже готовые, на смѣну *я*. Приведу слѣдующій особенный случай: коренной звукъ *о* въ имени женскаго рода *хоть*, при Украинскомъ выговорѣ (хôть = хить) перемѣняется на *и*, при Бѣлорусскомъ выговорѣ (хуть) перемѣняется на *у*; Польскій языкъ, принявшій это *у* за переходное, поставилъ, вмѣсто его, по своему обычаю новое *ен*, и выговорилъ *хенць* (chęć); не ужьли сказать, что здѣсь разложилось на *ен* коренное *о* или *у*? Изъясняя въ составѣ Русскаго языка превращеніе *а* и *я* въ *е*, теорія Павскаго различаетъ *носовое я* (ѧ) съ намѣстникомъ его *а*, отъ обыкновенныхъ *я* и *а*, (Ф. II. I. 129,), и полагаетъ, что первые, предполагаемые состоящими изъ *ен*, отбрасывая *н*, *естественно* получаютъ

Digitized by Google

е; а вторые — сперва выпадаютъ изъ словъ для сокращенія, ихъ мѣсто заступаютъ *ь* или *й*, которые, *по всѣмъ правамъ*, превращаются въ бѣглое *е*! А на мой взглядъ, оба эти процесса теорія выдумала отъ себя, а не дознала ихъ на самомъ дѣлѣ. Смотри: переходъ не носоваго *я* (*ѧ*) въ *е* черезъ *й* — теорія Павскаго поясняетъ перемѣною слова *заяцъ* въ *заецъ* черезъ *зайцъ;* между тѣмъ въ этомъ словѣ именно *носовое* ѧ — заѧцъ, по Польски *заёнцъ*, по Полабски *заянцъ;* слѣдственно, теорія должна бы этимъ словомъ пояснять свой первый способъ превращенія, т. е. отпаденіе звука *н* отъ *е*, изъ носоваго *я*. Зачѣмъ же различается въ теоріи то, что не имѣетъ различія въ самомъ предметѣ ея, чего на дѣлѣ и сама она различить не можетъ?...

Не такъ ли поступилъ и ты, мой почтенный академикъ, въ своей Новороссійской системѣ?... Отлучаешь Малороссійское нарѣчіе такъ розно отъ Великороссійскаго, «хотя и безъ основанія»! — признаешь *тожество* Великороссійскаго нарѣчія съ Церковно-Славянскимъ, хотя это тожество не болѣе, какъ филологическій призракъ, до котораго ты дошелъ только путемъ «логическаго *наведенія*»! А между тѣмъ, ты уже населяешь Великороссійскимъ племенемъ въ IX-мъ вѣкѣ и Македонію вокругъ Солуня (вмѣсто тамошнихъ *Словенъ*), и берегъ Чернаго моря, и всю Кіевскую сторону, вмѣсто обитавшихъ тогда и нынѣ обитающихъ Малороссіянъ, которыхъ ты приводишь сюда съ Карпатскихъ горъ уже послѣ Батыева нашествія, на мѣсто Великороссіянъ, будто бы ушедшихъ отсюда, при нашествіи Батыевомъ!... И что же у тебя въ основѣ этихъ новопридуманныхъ заселеній и переселеній: историческія о томъ свидѣтельства письменныя, или давнія преданія изустныя?... Нѣтъ! Историческія преданія, на примѣръ, Карпатской Руси, говорятъ наоборотъ: что она пришла въ Карпаты съ береговъ Днѣпра, вмѣстѣ съ Уграми, въ X-мъ вѣкѣ; а по другому преданію, что она перешла въ Карпаты въ XIV-мъ вѣкѣ изъ Подолья, вмѣстѣ съ своимъ княземъ Коріатовичемъ. Могли быть оба переселенія: но дѣло въ томъ, что, по обоимъ преданіямъ, существующимъ въ Карпатахъ, Русь переходитъ туда изъ нашего Малороссійскаго края, съ бе-

Digitized by Google

реговъ Днѣпра и съ Подолья. А ты, неизвѣстно почему, выводишь насъ, Малороссіянъ, изъ Карпатскихъ горъ, послѣ нашествія Татарскаго, тогда какъ мы и прадѣды наши всегда думали и говорили, что мы жили здѣсь, по обѣ стороны Днѣпра, съ незапамятнаго времени, съ *предковьку!* Что у насъ въ Кіевѣ водворились на княженіе Аскольдъ и Диръ, а за ними вѣщій Олегъ съ Рюриковымъ сыномъ. Что у насъ въ Кіевѣ началась и отъ насъ разошлась во всѣ концы Русскаго міра, *жизнь*, насажденная святымъ *Просвѣтителемъ* Руси — Владиміромъ; а когда Великокняжеская Кіевская Русь, отживъ свой цвѣтущій вѣкъ, *умалилась*, тогда новымъ средоточіемъ Русскаго міра стала Москва, среди племени Великороссійскаго. Мы, Малороссіяне, остались по прежнему въ своей родимой Кіевской сторонѣ, въ своихъ стародавнихъ городахъ и селахъ, съ своими преданіями и обычаями, — мы остались *на корню*, съ котораго не сильны были сорвать насъ ни какіе вихри и бури, ниже гроза Батыевская.... И какъ въ древнее время, мы и наша земля назывались собственно *Русью* и *Руською землею*, а наше южное нарѣчіе называлось *Руськимъ языкомъ* (*), такъ въ позднѣйшіе вѣка *Русью* преимущественно стала называться Великая или Московская Русь, а нарѣчіе Московское стало *Рускимъ языкомъ*, господствующимъ нынѣ во всемъ Русскомъ мірѣ.

Ты, въ закладку своей Новороссійской системы, положилъ выписки изъ Кіевской лѣтописи и Нестора, и хочешь доказать, будто бы въ нихъ нѣтъ ничего Малороссійскаго! Я разсмотрѣлъ твои выписки, всего 6 дюжинъ; и знаешь ли что? Вѣдь это основаніе для тебя не надежное! Тѣ слова и обороты, которые ты отмѣтилъ какъ *чисто-Великороссійскія*, какъ *не-Церковныя* и *явно не-Малороссійскія*, вѣдь они не *чисто-Великороссійскія!* Для разувѣренія тебя, чтобы мнѣ не слишкомъ много писать, я предположилъ себѣ разобрать только двѣ дюжины

(*) Въ Лѣтописи Волынской, подъ 1261 г., сказано: «и къ тому толмача, розумѣюща *Рускый языкъ*, што иметь молвити Василько, пріѣхавъ подъ городъ».

Digitized by Google

твоихъ выписокъ, т. е. третью часть; полагаю, что на первый случай и этого довольно. Но чтобы и въ этой части не вышло у насъ разногласія и недоразумѣнія, я спрошу тебя: *голова, борода, дерево* — какія это формы словъ, Великороссійскія или Малороссійскія? Когда говорятъ эти слова на Русскомъ *Сѣверѣ* Смольнянинъ, Суздалецъ, Новгородецъ, Москвичъ, ты имѣешь право назвать ихъ *Великороссійскими;* а когда говорятъ ихъ на Русскомъ *Югѣ* Пололянинъ, Волынецъ, Переяславецъ, Кіевлянинъ, я имѣю право назвать ихъ *Малороссійскими*. Обоимъ Русскимъ нарѣчіямъ эти слова принадлежатъ какъ родовое, наслѣдственное имущество; и каждое изъ двухъ нарѣчій можетъ считать ихъ у себя своею, неотъемлемою, неприкосновенною собственностью; и если бы которое изъ двухъ нарѣчій вздумало присвоить ихъ себѣ исключительно, и отобрать ихъ у другаго, то на это можно сказать: « Не добро есть преступати предѣла чужаго, » какъ сказалъ нѣкогда Несторъ, повѣствуя объ изгнаніи Изяслава изъ Кіева младшими братьями. Неправда ли?... Теперь обратимся къ твоимъ выпискамъ.

Письмо пятое.

Іюля 31-го.

Ты предупреждаешь доказательныя выписки свои двумя замѣчаніями, о которыхъ и мнѣ должно упомянуть предварительно.

Первое замѣчаніе твое состоитъ въ слѣдующемъ: «Если бъ Несторъ и продолжатели его, Кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не дали нигдѣ примѣтить своего Малороссійскаго происхожденія? Какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не обронили тамъ сямъ какого-нибудь Малороссійскаго слова, не употребили Малороссійскаго оборота?... » и т. д.

Но вѣдь этого на самомъ дѣлѣ не случилось: Несторъ, и его Кіевскіе и Волынскіе продолжатели, какъ и Пѣвецъ Игоря, писавши на языкѣ Церковно-Славянскомъ, часте-

Digitized by Google

хонько включали въ него слова и обороты изъ своего роднаго *Малороссійскаго* нарѣчія. Вольно же тебѣ называть *чисто-Великороссійскимъ* то, что принадлежитъ, въ Несторѣ и въ Кіевской лѣтописи, *Малороссійскому* нарѣчію и языку *Церковному!* А впрочемъ *могло* бы случиться и то, что у нашихъ Кіевскихъ лѣтописателей не обнаружилось бы ничего Малороссійскаго, если бъ они захотѣли писать чистымъ Церковно-Славянскимъ языкомъ! Послушай, какъ писалъ Малороссіянинъ въ началѣ XVII-го вѣка (когда писали здѣсь вообще языкомъ Польско-Русскимъ).

« Въ сіе же лѣто (1516-е) начащася на Украинѣ *козаки*, о нихъ же, откуду и како начало свое пріяша, нѣчто речемъ. Аще и отъ начала своего сей нашъ народъ Рускій бранми всегда употребляшеся, и отъисперва въ нихъ сіе художество бѣ, оружіе и брани, якоже вышше пространнѣе речеся, въ главѣ той, откуду изыйде народъ Словенскій; по семъ, егда начаша Князи быти, нача въ нихъ лучшее строеніе и обычаи пріятнѣйшія въ землѣ нашой; но обаче сей народъ нашъ брапилюбный не преста строити брани, аще не со околными народы, си есть, Греки, а потомъ Половцы, Печенѣги, то сами межи собою.... » (см. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II. 367).

Много ли тутъ Малороссійскій лѣтописатель, въ самый разгаръ Козаччины, *обронилъ* изъ своего нарѣчія?... Словцо *межи*, вмѣсто Церковнаго *между*, словцо, которое издревле видно и въ географическихъ Южнорусскихъ именахъ: *Межибожье*, *Межимостье*, *Межигоры*, *Межирѣчь*, также написано оно и въ Олеговомъ договорѣ: « быти *межи* вами », и у Нестора: « что ради губивѣ дружину *межи* собою », или: « а Кытанъ ста *межи* валома съ вои », — и въ Кіевской лѣтописи (объ тѣхъ же Переяславскихъ *двухъ валахъ*, до нынѣ уцѣлѣвшихъ, и сходящихся въ одинъ валъ невдалекѣ отъ села *Строковы*) сказано, подъ 1149 годомъ: « а Гюрги стоя три дни у Стряковѣ.... и ста *межи* валома».

Второе твое предварительное замѣчаніе состоитъ въ слѣдующемъ:

« Еще болѣе — слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи, *отнюдь не Малороссійскія*,

Digitized by Google

Вездѣ вы видите избу, истопку, а не *хату;* сапоги, лапти, а не *чоботы;* квасъ, медъ, жито и т. п. »

Какой же ты прихотливый сталъ въ своей Новороссійской системѣ, словно Потемкинъ! Ты и знать не хочешь ни про *свитку* (1147 г.) и *свиту* (1074 г.), ни про *кожухъ* (1252 г.) и *сорочку* (1097 г.), ни про *черевья* (1074 г.) т. е. *черевики;* тебѣ непремѣнно подавай *чоботы,* — какъ будто Кіевскіе писатели должны были въ свое лѣтописанье включить цѣлый Малороссійскій словарь! Тебѣ захотѣлось уже отобрать у Малороссійскаго нарѣчія и *квасъ,* и *медъ,* и *жито!*... Но объ этомъ рѣчь впереди, чтобы не отбиться намъ отъ главнаго, отъ твоихъ доказательныхъ выписокъ.

Ты говоришь: « Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ, къ стыду своему, мы основательно незнаемъ.... Изслѣдуйте *особенности* Малороссійскаго нарѣчія. » Ну, вотъ кстати мы вмѣстѣ теперь изслѣдуемъ, узнаемъ его, по его отрывкамъ въ Несторѣ и въ другихъ древнихъ Южнорусскихъ писателяхъ. Вѣдь все, что въ нихъ отмѣнно отъ языка Церковно-Славянскаго, должно принадлежать языку Южнорусскому!

Вотъ *первая* твоя выписка изъ Кіевской лѣтописи:

« Половци *присунушася* къ Баручю ». Ты отмѣтилъ глаголъ « присунушася », какъ чисто-Великороссійскій, явно не-Малороссійскій: за что? Развѣ глагола *присунуться* нѣтъ въ Малороссійскомъ нарѣчіи?

« Зеленѐнькій барви́ночку,
Стелися низе́нько;
А ты, милый чорнобривый,
Присунься близе́нько! »

Этотъ глаголъ, извѣстный и въ Западной Славянщинѣ, весьма употребителенъ въ Малороссіи: *сунуться, посунуться, одсунуться* и т. д. Кіевскій лѣтописецъ поставилъ его по Церковно-Славянски «присунушася»; а чисто по Великороссійски и по Малороссійски было бы: *присунулися.*

Обратимъ вниманіе и на слово *Половци.* Я думаю, что

Digitized by Google

чисто по Великороссійски было бы *Половцы*; ибо по господствующему Великороссійскому выговору звукъ *ц* въ *концѣ словъ* требуетъ *дебелыхъ* гласныхъ и ъ-а. (Половѐцъ, Половцà, Половцы).

Малоросссійское нарѣчіе (во многихъ случаяхъ сходное съ Церконо-Словянскимъ болѣе, чѣмъ Великороссійское) требуетъ послѣ *ц*, *въ концѣ словъ*, непремѣнно *ь-я* и *тонкихъ* гласныхъ, даже болѣе, чѣмъ этого требовалъ древній языкъ Церковно-Славянскій, допускавшій *а* послѣ *ц*. И если у Нестора написано: «*цариця* Володимеряя Анна,» или: у *отця*, у *оконця*, ко *оконцю*, и т. п.; если въ Кіевской Лѣтописи, на примѣръ, въ описаніи Игорева похода на Каялу, написано: «идущимъ же имъ къ *Донцю*.... перебреде *Донець*... дойти рѣкы *Донця*... до города *Донця*,» — то мы должны признать, что это написано Малороссіянами. Если же тамъ встрѣчаемъ иногда постановку и дебелыхъ звуковъ послѣ *ц*, то это явный слѣдъ позднѣйшей переписки Великороссійскими писцами, которые то копировали свой подлинникъ буква въ букву, то ставили иногда буквы по своему Сѣверному произношенію. Отъ того-то въ Несторѣ, въ Кіевской Лѣтописи, въ Игоревой Пѣсни, которые дошли къ намъ не въ древнихъ Южнорусскихъ, но въ позднѣйшихъ Сѣвернорусскихъ спискахъ, отъ того въ нихъ такая пестрота и разнобоярщина звуковъ, несовмѣстимыхъ въ одномъ и томъ же живомъ нарѣчіи; на примѣръ, въ Игоревой пѣсни: бяше*ть* и бяше*тъ*, трубя*ть* и трубя*тъ*, къ Софі*и* и у Соф*ей*, полуно*щи* и полуно*щы* и т. д. Филологическая критика наша, разбирая древній Южнорусскій памятникъ, непремѣнно должна различать чтò въ немъ подлиннаго и древняго, и чтò пришлаго, наноснаго и позднѣйшаго, подобно тому, какъ геологъ различаетъ въ пластахъ земной коры разновременныя формаціи кряжевиковъ (roches). А если филологическая критика наша иногда не умѣетъ еще различать, то объ этомъ можно сказать словами Лаврентія-мниха: «книгы ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ!» Когда ты въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора читаешь, «ты еси *старѣйшей* братъ» (1024 г.), или: «вдамъ ти *которой* ти городъ любъ»

Digitized by Google

(1097 г.),—не ужели ты не слышишь, что здѣсь *старьйшей, которой*, какъ диссонансы, которые написалъ по своему Великороссійскому нарѣчію можетъ быть самъ «*Лаврентей* мнихъ»; но Кіевляне — *Нестеръ*, *Селивестръ*, *Василій* написали бы по Южноруски, и по Церковно-Славянски, не иначе, какъ *старьйшій, который*. Но когда мы читаемъ въ томъ же спискѣ Нестора: *Печенизы*, или «*Моисій* же хапаяся за шію» (вм. *Печенѣгы*, *Моисѣй*, какъ тамъ же обыкновенно писано), то это мы отнесемъ къ списку, написанному еще къ Кіевской сторонѣ Южнорусскимъ писцемъ, который по своему выговору поставилъ *и* вмѣсто *ь*; Суздальскій переписчикъ только скопировалъ эти буквы въ своемъ спискѣ; а самъ отъ себя, по своему выговору, онъ могъ бы написать *Моисей*, *Печенегы*, подобно тому, какъ въ Игоревой пѣсни позднѣйшій писецъ ея (очевидно Суздалецъ) писалъ: о *Днепрѣ!* вм. о *Днѣпре!* и т. п.; или какъ г. Дубенскій предлагаетъ вм. *полегоша*, *почнемъ* писать *правильнѣе* (!!)—*полѣгоша*, *почнѣмъ*.... Вотъ также несвойственно и вы, Сѣверноруссніе историки, вмѣсто *Перипетово* поле, *Перипетовы* (могилы), какъ написано правильно въ Кіевской Лѣтописи, пишете: *Перипѣтово*, *Перепѣтовы!* или: вмѣсто *Богданъ Хмельницкій* — *Богданъ Хмѣльницкій!*

Но вотъ другая твоя выписка изъ Кіевской лѣтописи: «Святославъ Ростиславичь *отпроводя* Половца». Смотри— въ твоемъ письмѣ (въ Москвитянинѣ) корректоръ Великороссіянинъ даже переиначилъ этотъ глаголъ, несвойственный его Великороссійскому нарѣчію; онъ поставилъ по своему: *отпроводя*, когда въ Кіевской Лѣтописи и написано, и напечатано: *отпровадя* (подъ 1154 г.). Малороссійскому нарѣчію понынѣ свойственны глаголы: *провàдити*, *запровàдити*, *отпровàдити*, *припровàдити* и т. д. А потому, если мы читаемъ въ Олеговомъ договорѣ *допровàдимъ*, съ куплею ихъ поздорову», — въ Кіевской Лѣтописи «*отпровàдя* Половци», — въ Волынской Лѣтописи «*препровàдиша* рѣку Лютую» (1208 г.), то имѣемъ полное право сказать, что это писано по нарѣчію Малороссійскому.

Digitized by Google

Третья выписка: «бѣ рѣка *бережиста*». За что ты назвалъ это прилагательное имя чисто-Великороссійскимъ, явно не-Малороссійскимъ? Въ Кіевской Лѣтописи оно принадлежитъ несомнѣнно Малороссійскому нарѣчію, въ которомъ вообще любимы прилагательныя имена съ окончаніемъ *истый*: *коровистый*, *головистый*, *кореннстый*, *рожаистый*, и — *очевистый*. Припомню въ Кіевской Лѣтописи (подъ 1173 годомъ) слово: *очевисто*; оно такъ знакомо каждому, кто обращался съ Малороссійскими судовыми актами XVI-го, XVII-го и XVIII-го вѣка. Не ужьли скажешь, что и слово «очевисто» въ Кіевской Лѣтописи чисто Великороссійское, не-Малороссійское? А въ Сѣверно-русскомъ *Ипацкомъ* ея спискѣ это слово даже подчищено было, и написано «очивѣсто!» (см. примѣчаніе редакціи, на стр. 106.).

До завтра!

Письмо шестое.

Августа 1-го.

По нынѣшнему дню приходится мнѣ взять въ разсмотрѣніе слѣдующую твою выписку изъ Кіевской Лѣтописи: «*Коли* будеть святыхъ Маковѣй»? Вотъ уже ты отмѣтилъ и нарѣчіе *коли*, какъ чисто-Великороссійское, не-Малороссійское!... А это словцо употребительно не только во всей Русской рѣчи, но знакомо и въ Западно-Славянскихъ языкахъ. Притомъ же, у Великороссіянъ употребительно еще *когда*, *когды* (откуда и сокращенное *гкды*), даже *колды*, а Малороссійское нарѣчіе обходится только однимъ *коли!* Такъ въ пѣснѣ спрашиваетъ у козака сестра его:

«*Коли*, брате, зъ вôйска прійдешъ?»

Такого же, весьма недоказательнаго, значенія и твоя выписка: «яша коня *за поводъ*». Какъ по-Великороссійски, такъ и по-Малороссійски: за *поводъ*, за *поводы*, за *повода*. У Нестора сказано что Кіевскій отрокъ пошелъ къ Печенѣгамъ *съ уздою*: скажешь, и это чисто по-Великороссійски? А какъ же иначе по Малороссійски?

Digitized by Google

Но для нынѣшняго дня возьму еще конецъ твоей нарочито-длинной выписки, сдѣланной тобою « съ особымъ намѣреніемъ».

« Нынѣ же чи хресту честьному управити, якоже еси цѣловалъ, буди со мною; а ты уже хрестьное чѣлованіе переступилъ... а нынѣ абы со мною Богъ былъ и хрестьная сила».

Тутъ лѣтописатель Кіевскій поставилъ, по своему Малороссійскому нарѣчію, и два словца: *абы*, *чи*, и слова: *хрестъ*, *хрестьный*, которыя всѣ и понынѣ въ Малороссійскомъ нарѣчіи — какъ хлѣбъ насущный! Такъ въ пѣсняхъ:

—«*Абы* менѣ хлѣба-соли роздобу́въ».
—«*Чи* ты, милый, припавъ пылонъ».
—«*Чи* метелицею»?

Тутъ мнѣ живо вспоминается, какъ нашъ классическій *Гнѣдичь*, въ Августѣ 1831 года, еще незнакомый тогда мнѣ лично, отыскалъ меня, уединеннаго въ Симоновской Слободкѣ, и въ бесѣдѣ нашей о Малороссійскихъ пѣсняхъ, высказывая свою мысль о сходствѣ Малороссійскихъ звуковъ съ Итальянскими, декламировалъ мнѣ стихъ:

«Со́ромъ менѣ, *чи* не со́ромъ»!...

Что же касается до слова *хрестъ*, то Малороссійское нарѣчіе постоянно удерживаетъ въ немъ звукъ *х* вмѣсто *к*: *хрестный*, *хрещеный*, *хрещатый*, *хрещатикъ*, *хрестины* (крестьбины), *Водохрѣщи*, *Средохрѣстная* недѣля (Крестопоклонная). И такъ, если мы въ Кіевской Лѣтописи читаемъ: *хрестъ*, *Водохрещи* (тамъ же, подъ 1148 г.), *Средохрестная* недѣля (подъ 1170 г.), не должны ли мы сказать утвердительно, что это написано по Малороссійски? Въ Кіевской Лѣтописи, подъ 1147 годомъ, написано: « отторгоша *хрестъ* на немъ»; тоже самое въ Суздальской (Лаврентьевской) Лѣтописи переписано такъ: «и отторгоша на немъ *крестъ*».

Что же въ твоей нарочитой выпискѣ есть *чисто-Великороссійскаго*? По моему мнѣнію, только *чѣлованіе*, написанное вмѣсто *цѣлованіе* очевидно Сѣверорусскимъ пере-

Digitized by Google

писчикомъ Кіевской Лѣтописи, который въ XIV-мъ или XV-мъ вѣкѣ, въ *Ипацкомъ* спискѣ нерѣдко ставилъ ч вмѣсто ц, по своему областному, почти навѣрно сказать можно, *Новогородскому* выговору.

Такъ, на примѣръ, онъ написалъ: «и *чьлова* Святославъ крестъ.» (1143 г.)—«Хотять тебе *Переяславчи*». (1147 г.)—«А Игорь стояше у *Городьча*». (1142 г.)—«а самъ иде въ *Городечь*», и т. п. Вотъ это ужь *отнюдь не Малороссійское*, *не Кіевское* произношеніе; такъ говорили и писали «Новгородьчи».

Но тотъ же писецъ, въ Ипатьевскомъ спискѣ, писалъ и наоборотъ — ц вмѣсто ч, тоже по своему областному, не-Малороссійскому, выговору: «Изяславъ *Святополцицъ* (1128 г.).—«ни *науцилъ*» (1147 г.)—«*исполциста* воя своя». (1149 г.)—«ты ся, *отце*, не труди... а самъ, *отце*, ѣли въ Кіевъ»—«и есть *рѣцка* мала до города».—«и посла Мьстиславъ къ Давыдови съ тою *рѣцію*» (1170 г.) и т. д.

Другой переписчикъ Лѣтописи, съ Ипатьевскаго списка, писаннаго въ нѣсколько рукъ, писавши такъ называемый Хлѣбниковскій списокъ XVI-го вѣка, (принадлежавшій Кіевскому Митрополиту, Сильвестру Коссову) былъ, какъ видно, *Малороссіянинъ*, и нерѣдко возстановлялъ надлежащее чтеніе, перемѣною ц на ч, и ч на ц, поставленныхъ не по Кіевски въ спискѣ Ипатьевскомъ, на примѣръ вмѣсто *рѣцью*, *рѣцка*—*рѣчью*, *рѣчка*, и прочая.

Таже исторія была и съ Южнорусскою Игоревою Пѣснію: Сѣверноруссній переписчикъ ея, въ XV-мъ вѣкѣ, ставилъ въ ней иногда по своему выговору: вмѣсто *луци*, *вѣци*—*лучи*, *вѣчи*; вмѣсто *луче* (лучче)—*луце*. И Граматинъ (1823 г.) поступилъ какъ *филологъ*, предпринявъ привести текстъ Игоревой Пѣсни къ однообразному правописанію. Жаль, что онъ преждевременно отважился на поправку нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаній, и особенно ошибся онъ на первомъ лицѣ двойственнаго числа, передѣлывая древнюю форму его на позднѣйшую,—подобно тому, какъ и писецъ Хлѣбниковскаго списка иногда передѣлывалъ туже древнюю форму двойственнаго числа (*вѣ*) на позднѣйшую (*ва*), существовавшую въ его время между Сла-

Digitized by Google

вапорусскими грамотниками. Но Сахаровъ, въ своемъ изданіи Пѣсни (1839 г.), поступилъ гораздо хуже, передѣлывая въ текстѣ Пѣсни одно лице на другое; на пр. вмѣсто «оба *есвѣ*» — «оба *естѣ!*» и т. п. Abusus non tollit usum. Такъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора было: «и рече Каинъ: *изидѣте* на поле, Авелю»; но филологъ Тимковскій, въ своемъ недоконченномъ изданіи Нестора (стр. 56), поставилъ правильно въ 1-мъ лицѣ: «*изидѣве*». Такъ точно поставилъ въ текстѣ и Бередниковъ (I. стр. 38); но черезъ 35 лѣтъ послѣ изданія Тимковскаго можно было уже поставить съ совершенною правильностью, какъ и было въ спискѣ Воскресенскомъ, т. е. «*изыдевѣ*» (или хоть *изидевѣ*). Грамотный писецъ Хлѣбниковскаго списка вездѣ писалъ *изыде* (вм. *изиде*), по свидѣтельству редакціи (II. 19).

Ты спросишь меня, почему я называю *Малороссіяниномъ* Хлѣбниковскаго переписчика Лѣтописи? Въ «Изслѣдованіяхъ» своихъ ты обнаружилъ особенное вниманіе къ частнымъ случаямъ. И потому, кромѣ вышепомянутаго возстановленія звуковъ ч и ц, по Малороссійскому нарѣчію, и другихъ примѣтъ, я приведу, собственно для тебя, слѣдующій частный случай.

Сѣверноруссвій писецъ *Ипацкаго* списка, подъ 1202-мъ годомъ, написалъ: «изыйде *дырею* градною». Это написано по Великорусски; Кіевлянинъ не могъ бы такъ написать: ибо это слово и по Церковно-Славянски, и по Малороссійски ставятся съ буквою *ъ*, а не съ *ы* — *дъра*, *дърка*, а не *дыра*, *дырка*. Сообразно этому Хлѣбниковскій писецъ, вмѣсто «изыди *дырею*», написалъ «изыде *дърою*», т. е. пещернымъ, подземнымъ выходомъ, какіе были во многихъ городахъ и въ позднѣйшіе вѣка, (сравни въ современной Нестору Mater Verborum: *diera*, *дъра*, caverna).

Тутъ мнѣ вспомянулось, какъ Павскій наступалъ на Добровскаго.... «Аббату Добровскому — говоритъ онъ, — представилось, будто буква *хъръ*—Словенское слово *хырь* (шумъ, крикъ). Но между *ъ* и *ы* большое разстояніе. Въ Словенскихъ языкахъ никогда не измѣняется *ы* на *ъ*» (*Филолог. Наблюд.* I. 34).

Digitized by Google

Но отъ чего жъ одна и таже буква дѣйствительно называется въ Малороссіи и въ Червоной Руси именно *хыръ*, а въ Великой Руси *хъыръ*? Подобную замѣну буквъ *ъ* и *ы*, но только обратно, представляетъ и слово *дъра*, *дърка*, по Великорусски *дыра*, *дырка*. А что и коренной звукъ *ы* въ Словенскихъ языкахъ могъ перемѣняться на *ъ*, тому очевидный примѣръ на глаголѣ *быть*, который по Церковно-Славянски мѣняется въ *бъхъ*, *бъ*, *бъхомъ*, *бъста*, *бъша*. Однако—прощай! За мною разборъ еще 18-ти твоихъ выписокъ.

Письмо седьмое.

19 Августа.

Въ прежнихъ *шести* выпискахъ твоихъ все, что ты назвалъ явно не Малороссійскимъ, а чисто Великороссійскимъ, оказалось на повѣрку—*Малороссійскимъ!* Возмемъ въ разсмотрѣніе другія *шесть* выписокъ твоихъ изъ Кіевской Лѣтописи:

7.—«Язъ, брате.... *радъ*, *пъду*.»
8.—«Конь нача *соватися* подъ нимъ».
9.—«Андрей князь толикъ *умникъ* сый».
10.—«Они же *не догнавше* надъ берегъ.»
11.—«Узрѣша Половцы *помочныя* полкы».
12.—«*Именины* тогда бяхуть».

Но тутъ и разсматривать нечего; тутъ всѣ отмѣченныя тобою слова, всѣ они, подъ перомъ Кіевлянина,—*Малороссійскія*, какъ и слова: «*смага*, *туга*, *яруга*, *струга*» (по нынѣшнему *стружка*, водяной протокъ) у пѣвца Игорева; какъ слово *коропъ* (рыба) у игумена Даніила; какъ глаголы: *лагодити*, *вередити* въ Поученьи Мономаховомъ.

13.—«Бишася крѣпко ту *днину*».

И это слово живетъ въ нарѣчіи Малороссійскомъ, равно какъ и слово *вечерина* вм. вечеръ и вечеря. *Днина* вм. день, какъ *година* вм. *годъ*, въ древнемъ значеніи этого

Digitized by Google

слова (на примѣръ, въ Кіевской Лѣтописи подъ 1185 г.: «*въ годъ вечерній*»).

14.—«Оже ся братья совокупила *въ едину мысль*.... азъ ваю *надъюю*».

И *мысль*, и *надъюю* принадлежатъ несомнѣнно нарѣчію Малороссійскому; *единъ* вм. *одинъ* вошло въ него изъ языка Церковнаго.

15.—«Днѣпръ *роспоиваетъ*... *Рушися* Днѣпръ».

Рушися — по Церковно-Славянски, а по Великороссійски было бы *рушился*; такъ писали обыкновенно, т. е. съ буквою *л*, и Малороссійскіе, и Бѣлорусскіе писатели позднѣйшихъ вѣковъ, хотя въ народномъ выговорѣ, и Малороссійскомъ, и Бѣлорусскомъ, это *л* обращается въ полугласное *в*: *давъ*, *дала*, *дало*; *рушився*, *рушилась*, *рушилось*. А что глаголъ *рушати*, *рушити*, принадлежитъ искони Малороссійскому нарѣчію, о томъ и говорить нѣчего; какъ у Нестора сказано: «и повелѣ игуменъ *рушити*» (1091 г.): какъ въ Лѣтописи Кіевской: «уже рѣкы ся *рушаютъ*» (1148), такъ и въ думѣ Украинской, на походъ въ Молдавію (1650 г.), говорится:

«Самъ Хмельницкій попередъ всѣхъ *рушавъ*,
До Хотіи прибувавъ».

«*Не рушь!*» говорятъ Украинцы, т. е. не тронь, *не займай!* Глаголъ *роспоиваетъ* или *роспоиваe*—тоже Малороссійскій (прибавокъ *ть* удерживается и откидывается послѣ *е*, какъ и въ Кіевской Лѣтописи встрѣчаемъ, *речеть* и *рече*). Имя *полой* (выговаривается *полій*, т. е. вода поверхъ льда) извѣстно каждому приднѣпровскому Украинцу.

16.—«Половци яшася бѣгу *опять своею дорогою*».

Своею дорогою—это не по Церковно-Славянски; ибо *дорога* или *дарога* есть наша *Общерусская* форма этого слова, которое Западнославянскою рѣчью сокращено въ *дрога* и *драга*. Но тутъ вотъ въ чемъ дѣло: Великороссіяне говорятъ: *дорогою*, *по дорогѣ*, *при дорогѣ*, а Малороссіяне говорятъ: *дорогою*, *по дорозѣ*, *при дорозѣ*. Въ Кіевской Лѣтописи читаемъ: *своею дорогою*, —«наѣхаша *дорогу* ихъ, и

Digitized by Google

поѣхаша *по дорозѣ...*» (1173 г.), или: «по королеви *дорозѣ*» (1152 г.); очевидно, что это написано *по Малороссійски*, а не по Великороссійски.

Приведу такой же примѣръ изъ Нестора. *Порогъ* или *парогъ* есть наша *Общерусская* форма этого слова, сокращенная всею Западнославянскою рѣчью въ *прогъ* и *прагъ*. У Нестора написано: «Новгородцю же сѣдящю *на порозѣ*» (1071 г.); ясное дѣло, что это написано *по Малороссійски*: Великороссіянинъ сказалъ бы «*на порогѣ*».

А ты говоришь теперь: «Если Малороссійское нарѣчіе жило на Днѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ?»—Какихъ тебѣ еще слѣдовъ, какъ эти чисто-Малороссійскія формы: *на порозѣ, по дорозѣ?*... Сходно съ этимъ и по Бѣлорусски говорится: *на парозѣ, на дарозѣ*; а по Великороссійски *на порогѣ, по дорогѣ*, или на дорогѣ.

Тутъ открывается случай означить еще одну филологическую примѣту: Малороссійское нарѣчіе, сходно съ Бѣлорусскимъ и Церковно-Славянскимъ, въ именахъ всѣхъ трехъ родовъ, перемѣняетъ гортанные звуки *г, х, к*, на *з, с, ц*, передъ *ѣ*, въ падежахъ дательномъ и предложномъ; Великороссійское нарѣчіе, въ этомъ случаѣ, удерживаетъ *г, х, к* безъ перемѣны. Это еще одна отличительная черта, по которой Великороссійское нарѣчіе отмѣняется отъ Церковно-Славянскаго и отъ Малороссійскаго. Видишь, сколько уже набирается такихъ отличительныхъ примѣтъ, вопреки мнимому *тожеству* Церковнаго языка съ Великороссійскимъ!

Приведу для звука *х* примѣры изъ Кіевской Лѣтописи: «ни въ добрѣ, ни *въ лисѣ*» (1152 г.) — «иде съ ними къ Воробеинѣ и *къ Росусѣ*» (1160 г.), по Хлѣбниковскому списку—«*къ Роксусѣ*». Казалось бы, ясное дѣло, что здѣсь имена *лихо* и *Росуха* или *Роксуха* склонены по Малороссійски (или хоть по Церковно-Славянски); но у Карамзина, Строева, Неволина (въ Спискѣ Русскихъ городовъ) поставлена *Роксуса*; да и въ твоемъ «Розысканіи о городахъ» поставлена *Росуса!* Всѣ вы, по Великороссійскому нарѣчію, и не могли произвести иного именительнаго падежа изъ лѣтописнаго выраженія *къ Росусѣ*. Я

Digitized by Google

писалъ тогда объ этомъ, кажется, къ тебѣ, или къ Неволину, не припомню уже; и ты, въ 4-мъ томѣ «Изслѣдованій», поправилъ прежнюю ошибку свою, поставивъ не *Росуса*, а *Росуха*, и приведя справедливое указаніе Надеждина и Неволина на село *Расуху*, понынѣ существующее въ Сѣверской сторонѣ.

Но зачѣмъ же ты оставилъ безъ поправки, въ 4-мъ томѣ «Изслѣдованій», имя *Свинуси*, когда ты же опредѣлилъ намъ это историческое мѣсто, указаніемъ на нынѣшнее Волынское село *Свинюхи*?... Въ Кіевской Лѣтописи сказано: «и снястася Гюрги съ Ярославомъ Галичьскимъ *у Свинуслѣхъ* въ селѣ» (1157 г.). Казалось бы, ясное дѣло, что здѣсь склонилось по Церковно-Славянски Южнорусское имя Волынскаго села *Свинухи* (какъ на Украинѣ — *Черкухи*); но вамъ не подсказало этого Великороссійское нарѣчіе, и отъ того у васъ явились *Свинусы* (такъ и въ Ключѣ Строева) или *Свинуси*. Кстати для исторіи этого села, скажу, что оно называлось *Свинюхами* уже и въ XVI-мъ вѣкѣ, какъ видно изъ жалобы князя Курбскаго 1575 года объ убійствѣ его урядника, Калиновскаго, Берестецкими мѣщанами, Войтехомъ и Андреемъ Остаховичами. Князь говоритъ, что Калиновскаго едва живаго подданный Хацъ «*до Свинюхъ* отослалъ, тамъ же *у Свинюсехъ* заразомъ съ тыхъ ранъ тотъ урядникъ мой умеръ». (*)

Вотъ уже мы разсмотрѣли 16 доказательныхъ выписокъ твоихъ изъ Кіевской Лѣтописи: и ни одного изъ нихъ не нашлось въ пользу твоей Новороссійской системы, — все не вопадъ; и ты долженъ самъ увидѣть теперь, что ты ими—*убилъ бобра*. А какъ искатель и другъ истины, ты—ужели не отречешься отъ своего новаго и напраснаго слова, будто въ Кіевской Лѣтописи нѣтъ слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія?.... Это нарѣчіе такъ часто пробивается сквозь основу письменнаго языка Церковно-Славянскаго! Развернемъ еще нѣсколько разъ Кіевскую Лѣтопись на

(*) См. на стр. 68 во 2 томѣ: «Жизнь князя А. М. Курбскаго» К. 1849 г., превосходный трудъ профессора Иванишева, изданный Кіевскою Временною Коммиссіей.

Digitized by Google

удачу, и съ каждой открывшейся страницы выпишемъ по одному мѣсту:

1.—Стр. 39. «и того еста съступила, и *досыти* ми *пересердія* учинила еста».

Къ этому мѣсту приведу изъ Украинской думы о Гетманѣ Самойлѣ Кошкѣ:

«На що ты на мене такее великее *пересердіе* маешъ,
Що одъ мене сёгодня барзо рано выѣзжаешъ?»

2.—Стр. 170. «изъѣхаша (Половци) *городъ* Чѣрнаевъ, и острогъ взяша, и дворъ зажгоша, и *статокъ* его весь поимаша и ... ту *перепочиаше*.... и возвратишася къ *ватагамъ* своимъ».

Тутъ всѣ отмѣченныя мною слова—Малороссійскія.

3.—Стр. 144. «Въ тоже лѣто паде снѣгъ великъ въ Кіевской *сторони*, *коневи до чрева*, *на Великдень*.»

4. Стр. 55. Оттолѣ (Изяславъ) шедъ, и ста *у Святослави Криницѣ*.»

Вотъ кстати тебѣ приднѣпровская мѣстность, названная чисто Малороссійскимъ словомъ, *криница*, которое у Галицкой и Карпатской Руси перевернуто въ *кирница*, (какъ слово *долонь*, *длань*, *длонь*, Московскимъ нарѣчіемъ перевернуто въ *ладонь*). Ты говоришь въ своемъ письмѣ: «При географическихъ моихъ изслѣдованіяхъ я былъ *пораженъ* характеромъ многихъ собственныхъ именъ тамъ, *вовсе не Малороссійскимъ*». Жаль, что ты не привелъ этихъ именъ: назови ихъ, пожалуста, для нашего вразумленія. Я и самъ, какъ ты знаешь, не мало занимался «историческою Географіей» Южной Руси; однако не былъ *пораженъ* такимъ явленіемъ, о которомъ ты говоришь. Между географическими именами, конечно, есть многія, происхожденіе которыхъ трудно изъяснить, которыя иногда взяты изъ языка Половцевъ и прочихъ одноплеменныхъ имъ народцевъ (на примѣръ *Инжирь-бродъ*); но въ большинствѣ — имена *Малороссійскія*, начиная съ *Кіева* (отъ собственнаго имени князя *Кія*, по нарицательному имени *Кій*), и названной теперь *Святославовой Криници*, до острова *Хортичего* (отъ *хортъ*, *хортица*, борзая собака).

Digitized by Google

Не надо только придавать *Южнорусскимъ* географическимъ именамъ окончаній по Великорусскому нарѣчію, какъ мы видѣли выше на *Росухь*. Ты въ «Изслѣдованіяхъ» ставишь: *Серебреной, Боровой, Дерновое*; это несвойственно; надо: *Серебреный, Боровый, Дерновый* (городъ, нынѣ село *Деренковець*). По моему, и именамъ, кончащимся по Южнорусски на *ця*, (какъ видно и по тексту Лѣтописному) можно бы не придавать Великорусскаго окончанія *ца*, по крайней мѣрѣ, въ ихъ Географическомъ спискѣ. Передѣлаете на Сѣверные звуки Южнорусскія имена, да потомъ и будите говорить, что они поражаютъ характеромъ вовсе не Малороссійскимъ!

5.—Стр. 145. «А *думай, гадай* о Русской земли, и о своей чести, и о нашей».

Думати-гадати — это одно изъ любимыхъ выраженій пѣсеннаго и разговорнаго языка Южнорусскаго. Такъ и помянутая выше дума о походѣ въ Молдавію начинается слѣдующими стихами:

«Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе-повѣвае,
Вôйсько Козацьке въ походъ выступае;
Тôлько Богъ Святый знае,
Що Хмельницькій *думае-гадае!*»

6. Стр. 72.—«и вложиша и (Галицкаго Князя, Володимера) въ *укропъ*, и молвяхуть, яко *дна* есть подъступила».

Редакція пояснила, что—«*дна* слово Польское и Чешское: ломъ въ составахъ, или въ костяхъ». Но я пояснилъ бы это изъ Малороссійскаго нарѣчія тѣмъ, что *днами* называется внутренняя середка живота, и что *подступила дна* значитъ уже смертельную болѣзнь, схватившую Князя, отъ которой и былъ онъ посаженъ *въ укропъ* (чтобы ему *спарить животъ* — первѣйшее средство и у нынѣшнихъ Малороссійскихъ *лѣкарокъ*). Украинскія женки очень примѣчаютъ, пока у нихъ еще «*дна бьють*, якъ курчята клюють!» (*Дна подъступила* — въ Лѣтописи, множественное число средняго рода).

Новогородцы въ XII-мъ вѣкѣ «пили укропъ» (ужь не збитень ли?). Но это слово *укропъ* или *окропъ* по нынѣ самое повседневное Малороссійское слово, означающее горя-

Digitized by Google

чую воду. (Не слѣдуетъ смѣшивать его съ словомъ *окопъ* —окопъ, укрѣпленіе. Буквы *ъ* и *о* выговариваются одинаково, какъ тонке *и*).

7.—Стр. 6. «Княземъ за ракою идущимъ, *межи воромъ*, и не бѣ лзѣ везти отъ множества народа, поламляху *воръ*».

Писецъ позднѣйшаго Ермолаевскаго списка поставилъ: *а межи возомъ*, поламляху *дворъ* (такъ и въ Псковской Лѣтописи, изданіемъ которой мы обязаны тебѣ) вмѣсто *бродове заворены вѡрами* переписчики ставили и *заворопены*, и *затворены*.

Но въ Малороссійскомъ нарѣчіи весьма извѣстны слова *ворьё*, *воръ*, огорожа изъ жердей; а каждая жердина, въ такой огорожѣ, зовется *ворином*. Отсюда и названье приднѣпровскаго мѣста *Воровичи* (К. Л. 1150 г.).

Но довольно выписокъ изъ Кіевской Лѣтописи. Обратимся къ Нестору.

Письмо восьмое.

20 Августа.

Вопросъ о языкѣ Несторовой Лѣтописи можно было считать рѣшеннымъ: это языкъ *Церковно-Славянскій* съ примѣсью изъ народнаго *Южнорусскаго* языка по его Кіевскому нарѣчію, — также, какъ и въ Кіевской Лѣтописи XII-го вѣка. Это рѣшеніе, я думаю, выдержитъ всякую пробу, точно такъ, какъ и подлинная, неподложная древность Несторовой Лѣтописи, и Пѣсни о Полку Игоревѣ, и трехъ Договоровъ съ Греками, выдержали всѣ пробы *Скептицизма*. Въ 3-мъ томѣ «Изслѣдованій» ты говорилъ тоже: «У Нестора находите вы отраженіе *Малороссійское*», и заступался горячо за это мнѣніе (стр. 357); но теперь ты уже противъ него, и называешь его *предубѣжденіемъ*, вслѣдствіе своего новаго *убѣжденія*, будто въ Несторѣ, какъ и въ Кіевской Лѣтописи, нѣтъ и слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія, а есть слѣды *Великороссійскіе*, и будто лѣтописи въ Кіевѣ писали *Великороссіяне*, какъ древнѣйшіе жители Кіевской страны, и писали на своемъ природномъ, *Великороссійскомъ*, нарѣчіи, тожественномъ съ такъ называемымъ *Церковно-Славянскимъ*.

Digitized by Google

Ты говоришь: «Воображаю себѣ лѣтописателя Нестора или другаго монаха: какъ могло придти ему въ голову ломать себѣ языкъ и завести новую рѣчь, постоянно соображаясь съ Церковными образцами, которыхъ не зналъ же онъ сполна наизусть. Можно ли писать на чужомъ нарѣчіи, не зная его? А знать его было нельзя! За всякою формою ему надо бы справляться? Какъ бы не забылъ онъ ту или другую, и не запутался въ своихъ выраженіяхъ? Что за насиліе должно было дѣлать себѣ? Кто могъ выдержать это? Вѣроятно ли это?...»

Что это? Ужь не *скептицизмъ* ли Каченовскаго, въ отмщеніе за себя, подсказалъ тебѣ такія рѣчи, и навѣялъ на воображеніе твое «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья!»... Отъ чего же военный человѣкъ, Молдавскій воеводичь, Петръ Могила, поступившій въ Печерскіе монахи, черезъ 6½ вѣковъ послѣ Нестора, писалъ свободно на трехъ родственныхъ языкахъ, на Церковно-Славянскомъ, Польскомъ и на тогдашнемъ письменномъ языкѣ Западнорусскомъ?... Отъ чего въ Кіевѣ, нѣсколько ранѣе Нестора, князь Всеволодъ Ярославичь», «дома сѣдя, изумѣяше *пять языкъ?*» А любознательный, книжный Несторъ, возмужавшій въ великомъ училищѣ Руси, въ Печерскомъ монастырѣ, когда былъ живъ еще и преподобный *Ѳеодосій*, писавшій столько *Поученій* къ братіи и *Посланій* къ князьямъ, въ пещерной келіи котораго инокъ *Иларіонъ* проводилъ дни и ночи въ списываньи книгъ, блаженный *Никонъ* занимался обдѣлкою ихъ, для которой самъ «Начальникъ» прялъ волну и вервіе... Несторъ, среди Печерской братіи, въ которой тогда былъ и «творецъ каноновъ, *Григорій*», не могъ знать Церковнаго языка!.. Не могъ знать, черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ великій «Просвѣтитель Руси» началъ отдавать дѣтей на ученье книжное, и Церковно-Славянскій языкъ сталъ молитвеннымъ языкомъ Русскаго человѣка!... Да если бы нашимъ богослужебнымъ языкомъ при Владимірѣ сталъ Греческій, или Латинскій, и на нихъ писали бы свободно Кіевскіе грамотники XI-го вѣка, какъ впослѣдствіи Кіевляне, Яворскій и Прокоповичь, можно сказать, играли Латинскимъ языкомъ въ своихъ

Digitized by Google

стихотвореніяхъ, свободно писавши и на Польскомъ, и на Церковно-Славянскомъ, и на тогдашнемъ Русскомъ въ двухъ его видахъ. А съ какою правильностью и отчетливостью писали, прежде Нестора, на Церковномъ языкѣ, и Новгородскій діаконъ *Григорій*, въ Евангеліи Остромировскомъ (1056 г.), и дьякъ *Іоаннъ*, вѣроятно Кіевскій, въ Изборникѣ Святославовскомъ (1073 г.). Но—то были уже записные знатоки и мастера въ языкѣ Церковномъ, вѣроятно, изъ Ярославовой школы писцевъ и переводчиковъ, о которой Несторъ говоритъ съ такою любовью: «якоже бо се нѣкто землю разбреть, другій же насѣеть, ини же пожинають и ѣдять пищу бескудну, тако и сь: отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же насѣя книжными словесы сердця вѣрныхъ людій; а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное». Несторъ и его Кіевскіе преемники не *заводили новой рѣчи:* прежде ихъ Церковный языкъ былъ уже на Руси богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ, на которомъ писали Иларіонъ, и Іаковъ, и Лука, и Ѳеодосій, и еще прежде другіе Русскіе грамотники написали Русскую Правду и Уставы Церковные. Для Нестора и его продолжателей Церковный языкъ былъ уже не мертвымъ, но живымъ языкомъ, усвояемымъ съ дѣтства, вмѣстѣ съ народнымъ языкомъ Южнорусскимъ, который въ ихъ писаніяхъ и входилъ свободно въ основу Церковно-Славянскую, какъ это видимъ мы и въ Русской Правдѣ, и въ Пѣсни о Полку Игоревѣ. Да и ты самъ, не смотря на свое нынѣшнее утвержденіе о *тожествѣ* Церковнаго языка съ Великороссійскимъ, различаешь въ Несторѣ: слова и обороты *не Церковные*, а *Великороссійскіе*, отъ прочихъ—какихъ же? *Церковныхъ, не Великороссійскихъ!* Видишь, въ твоемъ новомъ *убѣжденіи* есть уже *противорѣчіе*, которое ты можешь оправдывать разными діалектическими изворотами, но объ которомъ, по истинѣ, можно сказать словами Бѣлорусской присказки: «Круци, верци, а треба вмерци!»

Въ твоихъ доказательныхъ выпискахъ изъ Нестора столь же мало доказательной силы, какъ и въ выпискахъ изъ Кіевской Лѣтописи.

Digitized by Google

Вотъ первая, а въ счетѣ мною разсматриваемыхъ 17-ая: «*Сзывая безчисленное множество народа*» (такъ напечатано въ твоемъ письмѣ); напишемъ, какъ у Лаврентія: «сзывая бещисленое множьство народа». (См. въ изданіи Тимковскаго, стр. 88). Тутъ нѣтъ ни одного слова не-Церковнаго и не-Малороссійскаго.

18. — «Егда же *подъпьяхуться*, начняхуть роптати на князь, глаголюще: *зло есть нашимъ головамъ!*»

Подъпьяхуться—развѣ это «чисто по Великороссійски»? Нѣтъ! Эта глагольная форма, какъ и *начняхуть*, есть Церковно-Славянская, съ окончаніемъ *ху* (въ единственномъ числѣ *ше*), которому наши Кіевскіе писатели XI-го вѣка придавали нерѣдко свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *ть* (*бяше-ть*, *бяху-ть*); а въ XII-мъ вѣкѣ эта форма была въ ходу и у Сѣверной Руси (съ тою разницею, что тамъ писали и *ть* и *тъ*). Такъ я изъяснилъ эту особенную глагольную форму (*шеть*, *хуть*) въ моей «Исторіи древней Руской Словесности» (гл. VIII.), и остаюсь при прежнемъ мнѣніи. Что же касается до выраженія «*нашимъ головамъ*,» то это у Кіевскаго писателя — *по Малороссійски*, у Новгородца или Суздальца было бы—*по Великороссійски*.

Пропускаю двѣ выписки твои, съ словами: «*молчаливъ*, *боголюбивъ*» (отмѣченными, какъ чисто-Великороссійскія, не Церковныя), и беру въ разсмотрѣніе слѣдующія:

19.—«Володимеръ же нача *размышлять*и». (стр. 93).

20.—«Володимеръ—*расплакався*». (стр. 112),

21.—«Половци землю нашю несуть *розно*». (стр. 109).

Слово *розно* у Нестора пишется и по Церковно-Славянски—*разно* (на стр. 112; «разидошася *разно*»; на стр. 34: «расточи я *разно*»), и по Южнорусски—*розно*. А что это слово издавна въ нарѣчіи Малороссійскомъ, тому въ примѣръ приведу соотвѣтственное мѣсто изъ стиховъ Гетмана Мазепы объ Украинѣ:

«Мати моя старéнькая,
Чомъ ты вельми слабéнькая?
Розно тебе росшарпали». (*)

(*) См. Исторію Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго. 1822. Т. III. с. 296.

Digitized by Google

Такъ и въ Кіевской Лѣтописи: «Половци *розшлися розно*» (1147 г.), *росплакався* («се слышавъ Володимеръ, *росплакавъся* и рече») — это у Нестора по Малороссійски, равно какъ и *розглядають городъ*» и проч. Или въ Кіевской «Лѣтописи: *розирая* нарядъ его, и како *городъ* стоитъ». Малороссійское нарѣчіе присвоило себѣ исключительно *роз*, тогда какъ въ Великороссійскомъ допускаются и *роз*, и *раз*. Глаголъ *размышляти* написанъ по Церковно-Славянски; но онъ весьма извѣстенъ и въ Малороссійскомъ нарѣчіи: *розмышляти*, *замышляти*, и т. п.

22.—«Бяше пришелъ Славята.... на нѣкое *орудье*».

Ты справедливо говоришь: «выраженіе самое употребительное»: но это въ лѣтописаньи. *Орудье*, въ смыслѣ *дѣла*, слово—не очень употребительное въ Великороссійскомъ нарѣчіи, равно и въ Малороссійскомъ; однако въ Малороссійскомъ остались отъ него весьма употребительные глаголы: *орудовать* (дѣлать, работать), *згорудовать* (выиграть дѣло, или сдѣлать что въ свою пользу). Видишь, что этою выпискою ты ничего не *сгорудовалъ* для своей Новороссійской системы!

23.—«Не бѣ лзѣ *вкрастися* въ градъ».

И тутъ нѣтъ ничего такого, что можно бы назвать чисто-Великороссійскимъ, не Церковнымъ, и не Малороссійскимъ.

Но вотъ уже кончается предположенное мною число твоихъ выписокъ. Беру послѣднюю изъ Нестора:

24.—«Олегъ не всхотѣ сего, вину река: *не сдравьлю.*»—

25 — Въ дополненіе приведу еще одну изъ Кіевской Лѣтописи: «и шелъ спать *здоровъ*».

У тебя оба слова *сдравьлю* и *здоровъ* отмѣчены, какъ *Великороссійскія*; но первая форма — Церковно-Славянская, вторая Общерусская; у Кіевскаго Лѣтописца она Малороссійская. Коренное и первообразное слово *здоровъ* въ Западнославянской рѣчи перемѣнилось въ *здровъ*, *здравъ* и *сдравъ* (такъ въ Остромировомъ Евангеліи); таково и Несторово *сдравьлю*. По Малороссійски *здоровъ*, *поздоровляти*, *поздоровити* (поздравить), *поздоровьти*, и *поздоровити*: «Поздоровъ Боже васъ!» — любимое присловье Украинскаго селянина.

Digitized by Google

И такъ по твоимъ выпискамъ изъ Нестора видно, что и здѣсь, какъ въ Кіевской Лѣтописи, все, что названо тобою *Великороссійскимъ*, принадлежитъ или *Церковно-Славянскому* языку, или *Малороссійскому* нарѣчію. И такъ основаніе новой системы твоей рушится, а съ нимъ рушится и самая система твоя, *измечтанная всею хитростью!* Ты говоришь, что заключенія твои о заселенности Малороссіи искони Великороссіянами, а не Малороссіянами, и о тожествѣ Великорусскаго нарѣчія съ Церковнымъ съ перваго раза *испугали* тебя... Не былъ ли то голосъ исторической совѣсти?... Доказывать, что до нашествія Татарскаго на Кіевъ не было Малороссійскаго народа на Руси Кіевской,— для меня все равно, если бы доказывать, что до нашествія Польскаго на Москву не было Великороссійскаго народа на Руси Московской!

Письмо девятое.

21 Августа.

Взглянемъ на Волынскую Лѣтопись, писанную въ продолженіе XIII-го вѣка. Хотя въ Галичѣ, на Подоліи и Волыни ты допускаешь Малороссіянъ и въ до-Татарское время, однако написаніе Волынской Лѣтописи ты поручаешь своимъ «Кіевскимъ Великороссіянамъ», даже и написаніе *второй* половины ея, послѣ нашествія Татарскаго. Ты говоришь: «Можетъ быть, Малороссіяне тогда еще недостаточно возобладали въ странѣ, и оставались еще слѣды Великороссійскіе въ княжескихъ родахъ, боярскихъ, въ духовенствѣ, въ военномъ сословіи. Пришли же туда еще позднѣе Литовцы или Бѣлоруссцы, съ Гедиминомъ, и ввели въ письменное употребленіе свой языкъ, ведшійся даже до позднѣйшаго времени, между тѣмъ какъ тамъ несомнѣнно уже жили Малороссіяне. Я говорю о времени послѣ Татаръ, и даже хоть до Петра I. Какъ Бѣлорусское употреблялось въ этотъ періодъ, такъ Великорусское, господствовавшее сначала при Великороссіянахъ, могло вестися тамъ между грамотѣями еще въ XIII столѣтіи. Укажу и на значительный примѣръ изъ Волынской (подъ 1205 г.):

Digitized by Google

«Бѣ Тимоѳей въ Галичѣ премудръ книжникъ, *отчество имѣя въ градѣ Кіевѣ*».

Т. е. ты хочешь, чтобы и въ Галичѣ писали не Малороссіяне, а твои Кіевскіе Великороссіяне! Да такъ и говоришь ты далѣе, что нарѣчіе «Малороссійское существовало въ устахъ своего племени, а лѣтописи писаны Великороссіянами, которые потому и оставили свои слѣды, а не Малороссійскіе». (Мы видѣли уже эти слѣды, по твоимъ выпискамъ). Но ты и Малороссіянамъ, переселеннымъ тобою изъ Карпатъ въ Кіевскую сторону послѣ Татаръ, и всѣмъ вообще, не даешь писать у себя дома, говоря, что и послѣ Татаръ «писали Бѣлоруссцы, и писали на своемъ нарѣчіи, а не Малороссіяне»,—и это продолжаешь—«даже хоть до Петра I-го»!....

Тутъ, припомнивъ Митрополита *Кирилла* III-го, уроженца Волынскаго (1280), съ его краснорѣчивымъ современникомъ, *Серапіономъ* изъ Кіева, и святаго Митрополита *Петра* Волынца (1326), и *Вассіана*, и наконецъ старца *Епифанія Славинецкаго*, съ его Кіевскими сотрудниками въ Москвѣ,—подумаешь, что ты Малороссіянамъ предоставляешь писать только за предѣлами Малороссіи; а въ ней назначаешь писать только Бѣлоруссцамъ на ихъ языкѣ!.... Но я не стану здѣсь входить ни въ эти дальнѣйшія подробности твоей Новороссійской системы, столь не прочной (какъ самъ видишь) въ ея филологическомъ основаніи, ни въ твои историческіе выводы, по которымъ ты такъ произвольно выживаешь изъ Кіевской, первозванной *Русской земли*, *Малороссійскій народъ*, искони здѣсь обитающій, и замѣщаешь его новопридуманными *Кіевскими Великороссіянами*. (Это понадобилось тебѣ, кажется, для того, что,—говоришь,—«не даромъ же Несторъ, описывая разселеніе племенъ по пространству нынѣшней Россіи, оставляетъ нашу Великую Россію *почти пусту!*» Такъ изъ-за этой, едва ли дѣйствительной, пустоты надо тебѣ нашу Малую Россію оставить совсѣмъ *пусту* при нашествіи Татаръ—выводомъ изъ нея на Сѣверъ мнимыхъ Великороссіянъ, а на ихъ мѣсто свято перевесть не книжныхъ Карпаторуссцевъ, да пишущихъ Бѣлоруссцевъ!). Я обратился къ Волынской

Digitized by Google

Лѣтописи въ видахъ филологическихъ, чтобы сказать, что она, такъ же какъ Несторова и Кіевская Лѣтопись, писана Церковно-Славянскимъ языкомъ съ примѣсью нарѣчія Малороссійкаго. *Южнорусскій* языкъ состоитъ въ *двухъ* главныхъ нарѣчіяхъ: въ *Малороссійскомъ*, и *Червонорусскомъ*. Оба они, при всѣхъ мѣстныхъ своихъ разностяхъ, запечатлѣны *единствомъ* одного языка, что и свидѣтельствуетъ о *древнемъ* его образованіи. А потому разныя мнѣнія о происхожденіи Южнорусскаго языка послѣ XIII-го вѣка несправедливы такъ же, какъ и мнѣніе Калайдовича, будто *Церковно-Славянскій* или *Моравскій* языкъ былъ общимъ и нераздѣльнымъ языкомъ всѣхъ Славянъ еще въ IX-мъ вѣкѣ!. Южнорусскій языкъ ближе и роднѣе всѣхъ къ *Сѣверноруссскому*, состоящему въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ, *Великороссійскомъ* и *Бѣлорусскомъ*, и составляетъ съ нимъ одну великую *рѣчь Русскую* или *Восточнославянскую*. Русская рѣчь соотвѣтственна всей *Западнославянской рѣчи*, состоящей тоже въ двухъ удѣлахъ: *Югозападномъ* (куда принадлежатъ 5 Задунайскихъ языковъ: *Церковно-Славянскій* или *Македонскій*, *Болгарскій*, *Сербскій*, *Хорватскій* и *Хорутанскій*) и *Сѣверозападномъ* (гдѣ также 5 языковъ *Польскій*, *Чешскій*, *Словацкій*, *Лужицкій*, и *Полабскій*). Припоминаю весь кругъ Славянской рѣчи для того, чтобы еще разъ сказать, какое несвойственое проповѣдалъ ты *тожество* Великорусскаго нарѣчія съ Церковно-Славянскимъ, и какъ несправедливо у тебя разлученіе Малороссійскаго съ Великорусскимъ, которыя—*Сѣверскимъ* поднарѣчіемъ съ одной стороны, и *Среднерусскимъ* (по племени *Вятицкимъ*) съ другой стороны, сходятся многими признаками близко. Но въ отношеніи къ Церковно-Славянскому языку, Малороссійское нарѣчіе во многихъ примѣтахъ ближе къ нему, чѣмъ Великороссійское, хотя при позднѣйшемъ образованіи *Московскаго* поднарѣчія въ нынѣшній, собственно такъ называемый, *Русскій языкъ*, Церковный языкъ вошелъ въ составъ его гораздо глубже и обильнѣе, чѣмъ въ какой либо другой; и отъ того-то тебѣ показалось однородство и даже тожество Великороссійскаго нарѣчія съ Церковнымъ: *позднѣйшее* живое сочетаніе ты призналъ за *перво-*

Digitized by Google

родное единство, чего Филологія не признаетъ никогда. *Карпаторусское* поднарѣчіе есть самое далекое отъ *Украинскаго;* и по мѣсту, и по примѣтамъ это послѣднее есть наиболѣе развитое и образцовое въ Южнорусскомъ языкѣ, по принадлежности своей издревле къ Кіеву и Переяславу, (подобно тому какъ въ кругу Великороссійскомъ поднарѣчіе *Московское*). Украинское нарѣчіе не можетъ быть признано непосредственно отросткомъ и пересадкомъ Карпаторусскаго, въ XIII-мъ вѣкѣ. Вотъ и филологическое возраженіе противъ твоего вывода Украинскаго народа отъ Руси Карпатской послѣ нашествія Татаръ, вывода, не имѣющаго себѣ исторической опоры. Ты думаешь, что изслѣдованіе особенностей Малороссійскаго нарѣчія прольетъ свѣтъ на происхожденіе Козаковъ. Нѣтъ, здѣсь историческія свидѣтельства были бы важнѣе филологическихъ; и сколько можно проникать сквозь мглу, еще не сошедшую съ этого историческаго вопроса, то наши *Козаки* не иные кто, какъ *Украинцы*, даже и при той догадкѣ или мечтѣ моей, что первымъ началомъ нашего козачества были древніе Тмутороканцы, по прекращеніи ихъ княжества (а слово *Козакъ* было и въ языкѣ Половецкомъ). Что же касается до составленія *новаго племени Козацкаго* изъ Торковъ и Волынскихъ Малороссіянъ, то я этого никакъ не понимаю и не провижу. Къ чему и какъ тутъ именно *Волынцы*, и что за *новое племя Козацкое?*.... Козачество было званіе, сословіе, а не *племя*.

Письмо одиннадцатое.

22 Августа.

Можетъ быть, въ Лѣтописи Кіевской ты думалъ видѣть такія особенности Малороссійскаго нарѣчія, какъ, напримѣръ обращеніе гласныхъ звуковъ въ тонкое и: кóнь — *кинь*, нóжъ — *нижъ*, нéжъ — *нижъ*, и. т. п. Но этотъ выговоръ не есть повсемѣстный въ Южнорусскомъ языкѣ, и грамотные Малороссіяне до исхода прошлаго столѣтія не вводили въ свое правописаніе такихъ особенностей, писали: *конь*, *ножъ*, *нежъ* и т. п. Учась грамотѣ по букварю, часословцу и

Digitized by Google

псалтырю, они и въ правописаніи своемъ соблюдали, по возможности, правописаніе Церковное; по крайней мѣрѣ оно было главною основою. Такъ и Московскіе грамотники: они не выражали буквами хоть въ точь особенностей своего выговора, не писали: *фсе* (вм. все), *звалять въ калакала* и. т. п. Равно и Бѣлорусское нарѣчіе (какъ ты и говоришь, что на немъ писали въ Малороссіи съ половины XIV-го вѣка и даже хоть до Петра) никогда, даже въ самой Бѣлоруссіи, не являлось на письмѣ съ своими главными особенностями, ни съ своимъ *а*, вм о, болѣе твердымъ, чѣмъ Московское и Средне-Русское, ни съ своимъ *дз* и *ц* вм. оканчаемыхъ *д* и *т*; (а этѣ особенности принадлежатъ Бѣлорусскому нарѣчію, конечно, съ незапамятныхъ временъ, не то, чтобы съ XIII-го или даже XI-го вѣка). И такъ отсутствіе разныхъ областныхъ особенностей у Древнерусскихъ грамотниковъ не должно быть поводомъ къ заключенію, что ихъ и не было въ нарѣчіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, на примѣръ, выговоръ *ѣ*, какъ *и*, у Новгородцевъ, случайно обличается подъ перомъ діакона Григорія въ самомъ текстѣ Евангелія (въ повелительномъ наклоненіи). Такъ и у Нестора встрѣчаемъ: *посмихався* вм. *посмѣхався*, можешь приписать это описке Кіевлянина для котораго *ѣ—и*. Еще, для заключенія о древнихъ принадлежностяхъ нарѣчій, надо имѣть въ виду, что съ теченіемъ вѣковъ многія слова перемѣняли свое значеніе, на примѣръ: въ Кіевской Лѣтописи *заворожити* (1149 г.) значитъ поссорить, завести *ворожду* (вражду); а теперь значитъ загадать; 2) совершенно забывались, наприм: *поворзъ*, *вѣверица*, или слово *Хоробрый*, которое теперь непонятно для простолюдина, и онъ подумаетъ, что оно значитъ больной (*хороба*), между тѣмъ въ Украинскихъ думахъ XVII-го вѣка это слово еще употребительно; въ Волынской Лѣтописи *Святославъ Хоробрый*; или: се же король *Данило* Князь добрый, *хоробрый* и мудрый (1264). Тоже и въ Кіевской Лѣтописи: «яша *Дмитра хороброго* и *Олексу дворьского*» (1171 г.); тоже и въ Игоревой Пѣсни. Надо имѣть въ виду и то, что не всѣ города и села поименованы у лѣтописцевъ, и не

Digitized by Google

всѣ событія историческія описаны и упомянуты, и не всѣ князья названы поимянно; тѣмъ менѣе могли войти въ лѣтопись всѣ слова языка своенароднаго и Церковнаго. Отрицая присутствіе слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія, ты говоришь: «еще болѣе слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, *отнюдь не Малороссійскія*. Вездѣ видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы; квасъ, медъ, жито и т. п.» Не только *хата* и *чоботы*, но большая часть словъ, относящихся къ жилью и одеждѣ, пропущена въ Лѣтописаньи!

Относительно одежды я уже упомянулъ о *кожухъ*, *свитъ*, *свиткѣ* и *сорочкѣ*; онѣ отнимаютъ у тебя всякое право говорить, что названья одеждъ въ Лѣтописяхъ «отнюдь не-Малороссійскія»; напротивъ, онѣ подтверждаютъ собою право на признаніе въ Лѣтописи *Малороссійскихъ* одеждъ.

«*Кожюхъ* же оловира Грецького и круживы златыми плоскыми ошитъ и *сапози* зеленого хъза шити *золотомъ*» (В. Л. 1262). Припомнимъ и *кожухы* въ Игоревой пѣсни. Слово *сапоги* у Нестора и прочихъ Кіевлянъ никакъ нельзя назвать *Великороссійскимъ*, уже потому, что оно есть и въ Церковномъ языкѣ: «дадите прьстень на руку его и *сапогы* на нозѣ его». *Остр.* А что это слово было въ Южнорусскомъ языкѣ въ древности, о томъ свидѣтельствуютъ и названье *засапожникъ* (ножъ, кинжалъ въ Игоревой), и Волынскій городокъ *Сапогынь* — (1151 г.), нынѣшнее Сапожнинъ. Ты говоришь, что въ Лѣтописи видимъ *лапти*; но упоминутые у Нестора *лапотники* не относятся къ Южной Руси. Когда одержана была побѣда надъ Волжскими Болгарами, Добрыня говорилъ Володимеру: «съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ *сапозѣхъ*: симъ дани намъ не даяти; но искать *лапотниковъ*.» На Украинѣ вмѣсто лаптей носятъ кожаные *постолы* или *постоли*, извѣстные и за Днѣпромъ (и есть народная сказка, какъ Богъ далъ бѣду *золотые постолы* съ *серебряными волоками*, т. е. повязками); но въ лѣсныхъ мѣстахъ Сѣверіи ходятъ и въ *лаптяхъ*, называемыхъ еще *лычаками*.

У Нестора, въ сказаньи о старцѣ Исакіи, говорится объ его «*свитѣ* вотоляной», и «*черевьяхъ* протоптаныхъ»; въ

Digitized by Google

Кіевской Лѣтописи (1147), въ сказаніи объ Игорѣ Ольговичѣ, говорится, что его «изъ *свиткы* изволокоша». Позабыты уже въ народѣ Украинскомъ имена многихъ прежнихъ одеждъ: и *корзно* или *кирзно*, и *прилбица*, и многія другія одежды позднѣйшихъ вѣковъ; но *свита* или *свитка*, *свитина* и *кожухъ* остались постоянными и главными принадлежностями Украинской одежды.

Почему названье *избы*, *истьбы* или *истопки* замѣнилось на Украинѣ преимущественно словомъ *хата*, это также трудно рѣшить, какъ и то, почему у Карпаторуссцевъ изба называется обыкновенно *хижею*? Но какъ можно было тебѣ назвать «отнюдь не Малороссійскимъ» слово *изба*, принадлежащее не только всѣмъ почти нарѣчіямъ Славянскимъ, не вошедшее даже и въ Половецкій словарь, вмѣстѣ съ словомъ *печь*? Это отрицанье твое стоитъ Сабининскаго утвержденія, что слово *изба* въ Русскомъ языкѣ есть *Скандинавское*. Между тѣмъ въ Волынской лѣтописи (1202 г.) встрѣчаемъ Малороссійское слово *господа*, отъ котораго и *господарь*, хозяинъ дома. Въ Кіевской Лѣтописи (1185), при описаніи осады Римова, т. е. нижняго Ромна (Засулья) Кончакомъ, сказано: «и летѣста двѣ *городницѣ* съ людьми». Это слово *городница* извѣстно и въ XVI и въ XVII., при описаніи городовыхъ и замковыхъ оградъ Украинскихъ. У Нестора встрѣчаются слова: *стрѣха*, *колодязь*; такъ именно произносятся онѣ и теперь по Малороссійски. Припомню кстати Волынскій городокъ *Володимеровъ-Колодязь*, подъ пару *Святославлевой Криницѣ*. Въ Уставѣ Володимеровомъ говорится объ *овинѣ*; это, конечно, не относится къ Украинѣ; но за р. Сеймомъ въ Сѣверной Малороссіи, начинаются уже овины. Слово *хоромы* понынѣ употребительно и въ языкѣ народно-Украинскомъ. Относительно пищи и питья, какъ можно было тебѣ отнести къ разряду не-Малороссійскихъ словъ: *медъ*, *квасъ*, *жито*!

«Жито поспѣло, приспѣло дѣло.»

Украину Поляки называли *медовою* страною; отсюда и къ Святославу Хороброму на Дунай, гдѣ была «*середа* земли его»,—приходилъ *медъ*, вмѣстѣ съ воскомъ, скорою

Digitized by Google

и челядью. Вольно было Сабинину, въ его чрезмѣрномъ Скандинавствѣ, признать нашъ напитокъ *медъ* Скандинавскимъ: между тѣмъ, какъ слово это обще языкамъ семьи Индоевропейской и произносится каждымъ изъ говорящихъ ими согласно съ непремѣнными свойствами того или другаго. Объ этомъ можешь справиться, пожалуй, хоть въ самой Москвѣ, гдѣ тебѣ все это подтвердятъ, да еще прибавятъ, что нѣтъ Славянскаго народа, который бы не зналъ его, и вся разница ограничивается только оттѣнкомъ произношенія *е* (изъ *а*), звучащая то какъ твердое *е*, то какъ отонченное *а*, то какъ *ѣ*; послѣднее замѣчаемъ въ выговорѣ Великороссіянъ, Бѣлоруссовъ, Поляковъ и Нижнелужичанъ; предпослѣднее у Верхнелужичанъ, а первое у всѣхъ прочихъ Славянъ А почему, вольно и тебѣ относить его къ напиткамъ «отнюдь не-Малороссійскимъ!» Извини—Деревлянскіе меды при Ольгѣ и Кіевскіе меды Володимеровы ведутся понынѣ. Какъ въ храмовой праздникъ Преображенья, въ Васильковѣ, продолжавшійся при Владимерѣ (996 г.) *восемь* дней, варили *300 проваръ меду*; такъ въ маломъ видѣ понынѣ на Украинѣ — къ храмовымъ днямъ варятъ *медъ*, на который идетъ весь окольный народъ, по пословицѣ: «Де храмъ, и мы тамъ!» Въ пѣсняхъ осталась память о великой охотницѣ до *меду*—*Лемерихѣ*:

« Ой пила пила, Лемéриха на медý,
Да пропила свою дочку молоду ».

У зажиточныхъ козаковъ встарину, вмѣсто древнихъ *медушъ*, были *пивницы*. Такъ въ пѣснѣ, прошлаго столѣтія, удалецъ *Савва Чалый* говоритъ:

« Пойди, дѣвко, у пивницю,
Да принеси *пива*,
Ой поѣхай же я напьюся,
Да за свого сына!
Пойди, дѣвко, у пивницю
Да принеси *меду*,
Чогось менѣ трудно нудно,
Головы не зведу! »

Батый говорилъ Князю Данилу: «Не обыкли пити *молока* (т. е. молока *чернаго*, кумысу)—*пій пиво*!» (Вол. Л. 1250 г.)

Digitized by Google

Тутъ мимоходомъ замѣчу, что по Малороссійски, сходно съ Церковно-Славянскимъ, говорится *пій, бій шій* и т. п.

« Ой пій, да не лій,
Люби жо́нку, да не бій! »

А потому въ Кіевской Лѣтописи (1147) слова: « *побейте, побейте!* » написаны, очевидно, Сѣверноруссскимъ переписчикомъ, вм. «*побійже, побійте!*» такъ же, какъ писано тамъ *тысяцкой* или *тысячкой* вм. *тысяцкый* (*) и т. п.

Какъ въ Игоревой Пѣсни битва на Каялѣ уподоблена свадебному *пиру*, и говорится тамъ о *кровавомъ винѣ*, такъ въ думѣ о славной битвѣ Хмелницкаго *Корсунской* (1648 г.) она сравнивается съ варенъемъ *пива*. Есть и пословицы Украинскія: « Не диво пиво; дивнѣйше люди, що ёго пьють ». Или: « Що зъ того пива; за квасъ буде! »

А какъ несправедливо ты отбираешь даже и *квасъ* у нарѣчія Малороссійскаго, еще съ древняго времени употребительнаго, какъ Володимеръ въ Кіевѣ велѣлъ, и *медъ* и *квасъ* возити по городу! Для больныхъ и нищихъ не переводился на Украинѣ освѣжительный квасъ; дѣлаютъ его изъ яблокъ, грушъ, березоваго соку; а *буряковый квасъ* (свекловичный) настаивается для борщу, какъ и хлѣбный *сыровець*; къ свадьбамъ приготовляютъ *квасъ* хлѣбный, какъ обрядное питье, называемое и *брагою*. Упоминаемый у Нестора «квасъ успеяный», т. е. кожевенный, тоже употребителенъ на Украинѣ въ этомъ дѣлѣ. Есть и каррикатурная пѣсенка о *кожемякѣ:*

« Ой по́дожди, дѣвчи́нонько,
Бо не маю часу;
Одну шкурку въ зубахъ держу,
Другу *тягну зъ квасу*. »

Кстати о глаголѣ *тягну, тягнути:* вѣдь нарѣчіе Великороссійское издревле выпускаетъ коренной звукъ *г* — *тяну, тянуть*. Но въ Кіевской Лѣтописи (1157) читаемъ: « и

(*) Кстати: помнишь мое изъясненіе Древнерусскаго *тысяцкаго* званіемъ городовыхъ *полковниковъ* въ Украинѣ козацкой? Тебѣ оно нравилось въ 1849-мъ году: принялъ ли ты его?

Digitized by Google

одинъ съ города потянувъ стрѣлою». А какъ знаменательно слово: «*Потянемъ!*» въ устахъ Святослава Хоробраго (971 г.). Подобно ему, и Святославъ Ярославичь (1067 г.) на рѣкѣ Снови, противъ Половцевъ, говорилъ: «*Потянемъ*, уже намъ нельзѣ камо ся дѣти»! Такъ и Игорь Святославичь (1185 г.), входя въ Половецкую землю, говорилъ: «Сего есмы искали, *а потянемъ!*»—Малороссійское нарѣчіе постоянно сохраняетъ коренной звукъ *г* въ этомъ глаголѣ. Такъ въ Пѣснѣ, сложенной въ XVII-мъ вѣкѣ про Запорожца *Грицька Сагайдачного* (бывшаго послѣ Кошевымъ), онъ говоритъ:

«Гей, хто въ лѣсѣ—озовися!
Да выкрешемъ огню,
Да *потягнемъ* люлькы,
Не журися!»

Къ слову: не знаю, ведется ли у Сѣверной Руси ребячья игра въ *волосянку*, которая по всей Малороссіи любима не только хлопцами, но и дѣвчатами. Сперва пропѣваютъ:

«Ой нумъ, братця, волосянкы *тягти*;
А хто не *дотягне*, того за́ чубъ *тягти!*»

И тянутъ всѣ *О*.... а кто первый отстанетъ, того всѣ деруть за чубъ. Такимъ же порядкомъ тянутъ *волосянку* и на всѣ гласные звуки.

Письмо одиннадцатое.

Люблю языкъ моей родины и уже лѣтъ тридцать наблюдаю звуки его въ сравненіи съ Сѣверноруссскими и съ Западно-Славянскими; примѣчаю всѣ его отголоски въ народныхъ пѣсняхъ и въ письменныхъ памятникахъ разныхъ вѣковъ. Во всѣхъ древнихъ памятникахъ, писаныхъ нѣкогда на нашемъ Русскомъ Югѣ, вижу ясно слѣды Южнорусскаго языка въ текстѣ Церковно-Славянскомъ; и ихъ набирается *множество*; а ты говоришь, что тамъ *нѣтъ* и слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія!... Неужели и теперь это несправедливое *нѣтъ* не перемѣнишь ты на прежнее и непреложное *есть*?....

Digitized by Google

Можно пожалѣть всѣмъ намъ, что древнія Южнорусскія произведенія не дошли къ намъ въ древнихъ Южнорусскихъ спискахъ, что мы знаемъ ихъ по позднѣйшимъ спискамъ Сѣвернорусскимъ. Но я не согласенъ съ нашимъ почтеннымъ Шевыревымъ, который, относительно Игоревой Пѣсни, сказалъ, что филологическая критика, по недостатку списковъ, будетъ *всегда* блуждать ощупью. За что такая грустная, безвыходная доля для филологіи?.... Въ замѣнъ списковъ, гдѣ *буква* часто зависитъ только отъ пишущей руки, есть живые *звуки* языка. Изучивъ ихъ на Русскомъ Югѣ и Сѣверѣ, какъ они живутъ въ устахъ народныхъ, мы, и безъ множества списковъ, можемъ вѣрно различать, что въ Игоревой пѣсни, на примѣръ, повелительное наклоненіе — *вонзить* мечи, *понизить* стягы (вм. вонзите, понизите); *трубять* трубы, *вѣщій* Боянъ, *сулици*, *дѣвици*, *полукощи*, — принадлежатъ древнему подлиннику Южнорусскаго пѣвца; а *трубять* трубы, *вѣщей* Боянъ, *иноходьцы*, *полукощы* — принадлежатъ позднѣйшему писцу Сѣвернорусскому. Такъ и въ Несторовой Лѣтописи по Лаврентьевскому списку: *меншей* сынъ (992 г.), *старѣйшей* братъ (1024 г.) написано, конечно, не Несторомъ, а Суздальскимъ писцемъ, по выговору Великороссійскому.

Возму опять твою единственную выписку изъ Лѣтописи Волынской (1205 г.): «бѣ бо Тимоѳей въ Галичѣ премудръ книжникъ, *отчество* имѣя во градѣ Кіевѣ.» При этой выпискѣ ты повинился, что за 15 лѣтъ несправедливо ты называлъ *новымъ* наше слово *отечество* въ смыслѣ patria. Это сознаніе дѣлаетъ честь правдолюбію твоему; а съ тѣмъ вмѣстѣ оно показываетъ, какъ необходимо *положительное* знаніе о каждомъ словѣ для вѣрнаго о немъ заключенія. Я, съ своей стороны, замѣчу, что слово *отчество* въ Волынской Лѣтописи поставлено тѣмъ же Сѣвернорусскимъ писцемъ ея въ *Ипацкомъ* спискѣ, который писалъ *отце* вм. отче, *Кончакъ* вм. Кончакъ, и т. п.. и который принадлежалъ, очевидно, къ тамъ называемымъ *цуканамъ*. Чтобы возстановить достолюбезное намъ слово въ его древней подлинной формѣ, я приведу его изъ Кіевской Лѣтописи, гдѣ оно пощажено *цуканомъ*. Подъ 1115 го-

Digitized by Google

домъ, о святыхъ Князьяхъ нашихъ, Борисѣ и Глѣбѣ, сказано: «поборника *отечеству* своему». Подъ 1147 г. о князѣ Игорѣ Ольговичѣ: «бяшеть бо добрый поборникъ *отечьства* своего». Наконецъ приведу это слово изъ послѣсловія достопамятнаго Суздальца Лаврентія, къ Несторовой Лѣтописи: «радуется.... странникъ въ *отечьство* свое пришедъ, также радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ; также и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій....» Тутъ, исполненный тойже радости, я поставлю свое имя.

Михаилъ Максимовичъ.

1856 г. 23 Августа
Михайлова Гора.

Приписка.

25 Августа.

Какое любопытное «Моленіе къ своему князю, Ярославу Всеволодовичю, прочелъ я сей часъ во 2 книгѣ «Русской Бесѣды!» Г. Ундольскій, въ своемъ обстоятельномъ предисловіи, справедливо называетъ это Моленіе *передѣлкою* прежняго «Слова Данила Заточеника», сдѣланною въ XIII-мъ вѣкѣ. Подпавъ опалѣ у князя Ярослава Всеволодовича, книжный гражданинъ Переславля умилостивляетъ его такимъ же посланіемъ, какимъ Данило, заточенный на Вологодскомъ озерѣ *Лачь*, умилостивлялъ Ярославова дѣда, въ половинѣ XII-го вѣка. Слово Данила видимо отличается отъ Южнорусской Пѣсни Игоревой; отъ него такъ и вѣетъ Сѣверомъ; и я, какъ прежде (въ моей «Исторіи Древней Руской Словесности» стр. 87), такъ и нынѣ, отношу Данила къ древнимъ писателямъ *Сѣверовосточной* или *Суздальской* Руси; *Слово* его (за утратою упоминаемаго Симономъ «Лѣтописца старого Ростовьскаго») есть первое литературное произведеніе той Великороссійской стороны. Я въ этомъ совершенно расхожусь съ мнѣніемъ г. Дубенскаго, который, признавая пѣвца Игорева *Южноруссомъ*, говоритъ, что его Пѣснь и Слово Данилово такъ *близки* другъ къ другу по *духу* и *языку*, такъ *одинаково поражаютъ* силою

Digitized by Google

мысли и сходствомъ выраженій, что невольно спросишь себя, не принадлежатъ ли оба они *одному творцу?*... (см. у него, на стр. XLI). Были и послѣ сомнѣнія о томъ, когда именно писано это «Слово»; но я не сомнѣваюсь, что оно писано не позднѣе, какъ въ 1150 — 55 годахъ, что оно писано къ *Юрію* (Долгорукому), который въ Словѣ названъ «сыномъ Великаго царя *Владимера*» (т. е. Мономаха). Слова Данила: «не лгалъ бо *ми Ростиславъ* князь: лѣпши бы ми смерть, а не Курское княженіе!» подтверждаютъ тоже. По Кіевской Лѣтописи, эти слова говорилъ князь Андрей Юрьевичъ (подъ 1140 г.); но видно приходилось эти же слова говорить и брату его, *Ростиславу*, если свидѣтельствуетъ объ этомъ *Данило*, какъ видно, человѣкъ къ нему близкій. Примѣчательно, что въ *Моленіи къ Ярославу* (которое, кажется, было извѣстно и Карамзину) имя *Владимера* (отца Юрьева) замѣнено именемъ *Всеволода* (отца Ярославова); но слова Даниловы: «не лгалъ бо ми *Ростиславъ*...» не выключены; и такъ писавшій Моленіе неумышленно *солгалъ*.

Любопытно, что, умилостивляя своего князя Ярослава Всеволодовича, новый Данило (XIII-го в.) припоминаетъ объ одолѣніи Ярослава Владиміровича надъ Святополкомъ, а также о побѣдѣ Боняка надъ Уграми (1097 г.): «тако и *Бонякъ Судивый*...» Г. Ундольскій при словѣ *судивый* поставилъ вопросительный знакъ (стр. 96.). Но тутъ очевидное дѣло, что *судивый* написано въ «Моленіи» вмѣсто *шелудивый*, какъ названъ Бонякъ у Нестора (1096 г.). Видно, такое уже было прозванье знаменитому Половецкому вождю у народа Южнорусскаго!... Въ Подольской Губерніи понынѣ есть урочище съ мѣстнымъ преданьемъ, что тамъ стоялъ окопавшись *Гетманъ Бошнякъ Шолудивый*... Этотъ мнимый *Гетманъ Бошнякъ*, по моему, есть не иной кто, какъ Половецкій *Ханъ Бонякъ*, подвизавшійся въ той сторонѣ въ концѣ XI-го вѣка. У Польскихъ историковъ ведется сказка о *мечѣ-щербцѣ* Болеслава храбраго; но когда сей король въѣзжалъ въ Кіевъ (1018 г.), *Золотыхъ Воротъ* еще не было! А что Бонякъ рубилъ ихъ своею саблею, о томъ преданіе записано и въ Кіевской Лѣтописи, гдѣ

Digitized by Google

подъ 1151 г., при описаніи знаменитой Кіевской битвы съ Юріемъ, сказано: «туже (на Лыбеди) и Севенча Боняковича дикаго Половчина убиша, иже бяшеть рекль: хощю сѣчи въ Золотая-Ворота, яко же и отець мой!»

«Моленіе» къ Ярославу, изданное Г. Ундольскимъ, по принадлежащему ему списку XV-го вѣка, представляетъ явные слѣды не Кіевскаго и не Новгородскаго, но *Суздальскаго* нарѣчія. Сюда принадлежитъ особенно неправильная постановка *е* вм. *ѣ*, въ словахъ: *победи* (вм. побѣди), *бежа* (вм. бѣжа), *обретая* (вм. обрѣтая), *беды* (вм. бѣды), *пей* (вм. пій), и двоякое написаніе *звьздъ* и *звезды*.

Выраженіе: «горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати» указываетъ прямо на *курныя избы*, которыя такъ поражаютъ Украинца, когда ему доводится въ первый разъ увидѣть ихъ, при въѣздѣ въ предѣлы Великороссійскіе.

М. Максимовичъ.

Digitized by Google